

17. Аминій.

Пифагорець Аминій, учитель Парменида, см. ниже *Диогенъ IX 21 (стр. 20)*.

18. Парменидъ.

Парменидъ Великій ¹⁾, „диво глубокомыслія“ ²⁾, „пророкъ истины сдѣланный изъ желѣза“ ³⁾, основатель одной изъ вліятельнѣйшихъ философскихъ школъ древности, былъ родомъ изъ города Элеи (въ Великой Греціи). Вся древность высоко чтитъ его, какъ великаго мыслителя и какъ образецъ высоконравственной жизни („Парменидовскій образъ жизни“ вошелъ въ поговорку). Относительно времени его жизни мы имѣемъ два противорѣчивыхъ свидѣтельства. Аполлодоръ и Диогенъ Лаэртій относятъ его акме къ 69 олимпіадѣ (около 500 г.). Съ другой стороны, Платоновскіе діалоги (Теэтетъ 183e, Парменидъ 127b, Софистъ 217c; см. А 5) говорятъ о встрѣчѣ юнаго Сократа съ 65-лѣтнимъ Парменидомъ. Эта встрѣча должна была произойти около 450 г., и, слѣдовательно, рожденіе Парменида должно пасть на 515 г., акме же на 475 г. Дату Аполлодора принимаютъ Э. Целлеръ, Ф. Ибервегъ, Г. Арнимъ, Дж. Магаффи, П. Дейссенъ и др., Платону слѣдуютъ В. Зиндельбандъ, П. Таннери, Дж. Бернетъ и кн. С. Трубецкой. Въ сущности, Аполлодоръ и Платонъ одинаково произвольно обращаются съ хронологіей: Аполлодоръ вслѣдствіе усвоеннаго имъ неточнаго метода установки датъ, Платонъ вслѣдствіе подчиненія историческаго матеріала художественнымъ цѣлямъ. Однако, думается намъ, въ данномъ случаѣ дата Аполлодора ближе къ истинѣ: въ противномъ случаѣ и безъ того поразительно короткій срокъ, въ который совершила свою эволюцію греческая мысль отъ Парменида до Сократа,

---

¹⁾ Такъ называетъ Парменида Платонъ (Soph. 237 A, см. В 7).

²⁾ По выраженію А. Галача. И Платонъ называетъ его мыслителемъ „дѣйствительно необыкновенной глубины“ (Theaet. 183 E, см. А 5).

³⁾ По выраженію Фр. Ницше, который противопоставляетъ Парменида, какъ логика („изъ желѣза“), интуитивному мыслителю Гераклиту („изъ огня“).

сокращается на цѣлую треть ¹⁾. Изъ обстоятельствъ жизни Парменида мы знаемъ лишь то, что онъ происходилъ изъ богатаго и знатнаго рода, вначалѣ принималъ участіе въ государственной жизни своей родины, для которой составилъ законы, но впослѣдствіи подъ вліяніемъ пифагорейца Аминія посвятилъ себя всецѣло философіи.

Свое міровоззрѣніе Парменидъ изложилъ въ дидактической поэмѣ: „О природѣ“, которая состоитъ изъ введенія и двухъ глубоко различныхъ по содержанию частей: „Истины“, или ученія о бытіи, и „Мнѣнія“, или ученія о кажущемся мірѣ. Введеніе представляетъ собой художественное описаніе путешествія къ богинѣ, отъ лица которой излагаются всѣ даваемые въ поэмѣ ученія ²⁾. Такимъ образомъ источникомъ познанія является божественное откровеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ познаніе характеризуется не какъ чисто интеллектуальный процессъ, но какъ могучее эмоциональное переживаніе, выраженію котораго и служатъ поэтическіе образы введенія ³⁾. Въ первой части поэмы богиня совѣтуетъ не довѣрять чувствамъ и зоветъ на путь логическаго мышленія. И дѣйствительно, приводимыя далѣе доказательства ведутся по методу строгой дедукціи. Можетъ быть, это—самые ранніе въ исторіи мысли, за исключеніемъ математическаго знанія, образчики дедукціи. По крайней мѣрѣ, Эвдемъ ⁴⁾ говоритъ, что до Парменида философы высказывали свои мнѣнія „безъ логическихъ доказательствъ“. Философскій методъ Парменида весьма оригиналенъ ⁵⁾. Онъ заключается въ слѣдующемъ: Парменидъ задается вопросомъ, каковы основныя предпосылки всѣхъ мыслимыхъ міровоззрѣній, и находитъ, что всевозможныя міросозерцанія покоятся на одной изъ слѣдующихъ трехъ предпосылокъ: 1) только бытіе есть, небытія нѣтъ; 2) не только бытіе, но и небытіе существуетъ; 3) бытіе и небытіе тождественны. Далѣе Парменидъ изслѣдуетъ каждую изъ этихъ предпосылокъ. Основное положеніе истиннаго міровоззрѣнія: „бытіе есть, небытія нѣтъ“ доказывается выводеніемъ изъ понятія бытія мыслимыхъ въ немъ признаковъ: тождества, неизмѣнности, вѣвременноности, нераздѣльнаго единства и законченности въ себѣ. Однако, мысль перваго діалектика весьма часто не въ состояніи достигнуть полнаго осуществленія своихъ стремленій и ей не удается

¹⁾ С. Карстенъ и Ф. Рио стараются примирить свидѣтельства Діогена и Платона. Приравнивая акме философа ко времени его славы, они не находятъ затрудненій допустить, что Парменидъ пользовался извѣстностью уже въ возрастѣ 19—20 лѣтъ. Поэтому Парменидъ могъ въ старости встрѣтиться съ юнымъ Сократомъ.

²⁾ О. Гильбертъ (Die *δαίμων* des Parmenides, Archiv f. Gesch. d. Philos. XX, 1907) вопреки обычному взгляду доказываетъ, что у Парменида рѣчь идетъ не о путешествіи въ область свѣта, но о поѣздкѣ въ подземное царство.

³⁾ К. Joël. D. Ursprung d. Naturphilosophie aus d. Geiste d. Mystik, 1902, стр. 34. Также А. Croiset (Histoire de la littérature grecque II ed., 1898. t. II. стр. 526) говоритъ, что Парменидъ философствуетъ „avec toute son âme“.

⁴⁾ Цит. у Симплиція, см. А 28.

⁵⁾ Срв. J. Burnet. Early Greek Philosophy, II ed. 1908, стр. 205.

строго провести тѣ опредѣленія, которыя она развиваетъ ¹⁾. Тожество и неизмѣняемость бытія влекутъ за собою отсутствіе у Парменидова бытія какого бы то ни было качественного и количественнаго разнообразія (бытіе—совершенно однородно; не можетъ быть бытія въ одномъ мѣстѣ больше, въ другомъ меньше), а также отрицаніе у бытія движенія. Безвременность бытія выражается въ отрицаніи у него прошедшаго и будущаго и стоять въ самой тѣсной связи съ его абсолютнымъ тожествомъ и неподвижностью. Все это совершенно исключаетъ изъ понятія бытія всякую мысль о возникновеніи и уничтоженіи. Здѣсь кстати замѣтить, что въ той цѣпи доказательствъ, которыя выясняютъ понятіе бытія, наиболѣе мастерски проведеннымъ съ логической точки зрѣнія является, на нашъ взглядъ, доказательство нелѣпости допущенія существованія рожденія и смерти (*см. начало В 8*), которое заканчивается слѣдующимъ выразительнымъ стихомъ: „Такимъ образомъ рожденіе погасло и смерть пропала безъ вѣсти“ (*В 8, 21*) ²⁾. Раскрывая нераздѣльное единство бытія, Парменидъ утверждаетъ его непрерывность (бытіе непосредственно соприкасается съ бытіемъ; нѣтъ ничего, что преграждало бы бытію доступъ къ бытію), признаетъ бытіе недѣлимымъ, неразложимымъ, непроницаемымъ (бытіе—абсолютная полнота) и отрицаетъ у него всякую множественность частей. Наконецъ, законченность бытія въ себѣ (его совершенство) говоритъ намъ, что оно самодовлѣетъ: въ немъ все и ничего внѣ его ³⁾; изъ этого совершенства бытія выводится его шаровидная форма ⁴⁾ и, наконецъ, его единственность (наряду съ бытіемъ нѣтъ другого бытія) ⁵⁾. Однако, если, съ одной стороны, нельзя отказать великому элейцу въ неустрашимой смѣлости мысли, не останавливающейся передъ самыми парадоксальными слѣдствіями, то,

¹⁾ На несоотвѣтствіе подлинныхъ утверженій Парменида съ его тенденціями указываетъ Dauriac. *Les origines logiques de la doctrine de Parménide* (Revue Philosophique, t. XV, 1883, стр. 533 слѣд.). См. также Н. Diels. *Parmenides Lehrgedicht*, стр. 56.

²⁾ Ходъ аргументаціи въ доказательствѣ невозможности возникновенія и уничтоженія изслѣдуетъ М. И. Мандесъ (*Элеаты 1911*, стр. 120 слѣд.) Нѣкоторые историки находили здѣсь пробѣлъ: показано лишь, что сущее не можетъ возникнуть изъ не сущаго, но не показано, что оно не можетъ возникнуть изъ другого сущаго; равнымъ образомъ не показано, что нѣтъ исчезновенія. М. Мандесъ замѣтилъ, что Пармениду и не было надобности давать подобныя доказательства. вмѣсто частныхъ доказательствъ онъ ставитъ весь вопросъ на принципиальную почву. Общія основныя положенія его таковы: Всякое утвержденіе, допускающее бытіе небытія, не истинно. Возникновеніе есть переходъ отъ небытія къ бытію, уничтоженіе—переходъ отъ бытія къ небытію. Слѣдовательно, ничто не возникаетъ, ничто не погибаетъ. Только при наличности понятія небытія возможны и понятія о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

³⁾ Оно—самосущее, ни отъ чего не зависящее.

⁴⁾ Представленіе древнихъ о шарѣ см. Досократики, ч. I, стр. 92. О томъ, что Парменидъ ставитъ шаровидную форму въ связь съ совершенствомъ, мы умозаключаемъ изъ сопоставленія В 8, 42 слѣд. со свидѣтельствомъ Аристотеля *phys. Г 6. 207 а 9* (*см. А 27*).

⁵⁾ Единственность и ограниченность бытія доказываютъ невозможность движенія для бытія, какъ цѣлага.

съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить исторически обусловленное несовершенство ея силы абстракціи. Бытіе мыслится Парменидомъ, какъ имѣющая форму шара масса вещества, лежащая неподвижно, а безвременность бытія у него приводится къ формулѣ: бытіе всегда цѣликомъ во всей своей совокупности присутствуетъ въ настоящемъ. Нельзя не видѣть, что въ этомъ представленіи не осуществлены во всей чистотѣ всѣ тѣ признаки, которые открываетъ мысль Парменида въ понятіи бытія (самъ Парменидъ этого несоотвѣтствія, конечно, не замѣчаетъ). Въмѣсто того, чтобы исключить изъ бытія всѣ временныя и пространственныя свойства, Парменидъ останавливается на полпути: онъ говоритъ о бытіи въ настоящемъ времени и приписываетъ бытію пространственную форму шара. Уже Платонъ (Софистъ 244 е) отмѣтилъ, что въ такомъ случаѣ бытіе Парменида не является совершеннымъ единствомъ, но имѣетъ середину и концы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, оно не оказывается абсолютно однороднымъ, тождественнымъ и недѣлимымъ.

Переходя къ двумъ другимъ предпосылкамъ („путямъ заблужденія“), Парменидъ опровергаетъ ихъ указаніемъ на неосуществимость въ мысли противорѣчія ¹⁾. Когда мы говоримъ: „небытіе существуетъ“ или „бытіе и небытіе тождественны“, то мы дѣлаемъ небытіе бытіемъ. Между тѣмъ весь смыслъ понятія небытія заключается въ томъ, что оно *не есть бытіе*. Слѣдовательно, небытія нельзя ни помыслить, ни высказать, такъ какъ, осуществляя его въ мысли или въ словѣ, мы незаконно и незамѣтно для себя подмѣняемъ его бытіемъ ²⁾. Поэтому небытіе у Парменида является, по остроумному выраженію М. Мандеса, „вспомогательнымъ понятіемъ, однимъ изъ тѣхъ математическихъ символовъ, которые вводятся только для проведенія доказательства“. Однако, понятіе небытія у Парменида служить не только рычагомъ аргументаціи, но имѣетъ и нѣкоторое позитивное значеніе. А именно, подобно тому какъ понятіе бытія у него совпадаетъ съ матеріальной массой (непроницаемымъ плотнымъ шаромъ), такъ понятіе небытія онъ отождествляетъ съ претымъ пространствомъ ³⁾.

¹⁾ Парменидъ апеллируетъ къ логической аксіомѣ (Симплицій phys. 117, 2, см. В 6) F. Ueberweg (System d. Logik 1857) приписываетъ Пармениду открытіе логическихъ законовъ тождества и противорѣчія, хотя еще въ несовершенной формѣ, такъ какъ они у него имѣютъ скорѣе метафизическое, чѣмъ логическое значеніе (стр. 16, 18, 175, 190). М. Тривіцкій (Учебникъ логики, кн. II, стр. 85, 92, 95) находитъ у Парменида первые слѣды ученія объ аксіомахъ логики, а именно, въ формулѣ Парменида: „Что есть, то есть“ онъ видитъ указаніе на начало тождества; путь же къ заблужденію—„что есть, того вѣтъ“ (?). I. Ремке говоритъ: „Парменидъ знаетъ уже законъ противорѣчія, какъ основное положеніе изслѣдующаго мышленія“.

²⁾ G. W. Fr. Hegel (Vorlesungen über d. Gesch. d. Phil., I Bd. 1833, стр. 294= Werke, XIII Bd.): „Ничто, когда оно мыслится или говорится, превращается, на самомъ дѣлѣ, въ нѣчто. Мы говоримъ нѣчто, мыслимъ нѣчто, если хотимъ мыслить или говорить ничто“.

³⁾ Dauriac (соч. цит., стр. 533) отождествляетъ небытіе Парменида не только съ пустой, но и съ безконечностью, и полагаетъ, что для Парменида понятіе безконечнаго противорѣчиво.

Такъ какъ Парменидъ отрицаетъ существованіе пустого пространства, а бытіе считаетъ протяженнымъ, то правъ П. Таннери, называющій бытіе Парменида картезианской матеріей ¹⁾). Отрицаніе пустого пространства служитъ у Парменида новымъ подтвержденіемъ неподвижности бытія, не-существованности движенія.

Уже теперь мы можемъ видѣть, насколько силенъ историческій элементъ въ поэмѣ Парменида. Г. Дильсъ ²⁾ полагаетъ, что у Парменида можно усмотрѣть древнѣйшую исторію философіи, но онъ имѣетъ въ виду вторую часть поэмы, которую понимаетъ, какъ испытаніе ученій предшественниковъ Парменида. Однако, какъ мы видимъ, скорѣе въ первой части дана общая оцѣнка доэлеатовской философіи въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ. Милетскую философію Парменидъ критикуетъ, повидимому, въ лицѣ ея завершителя Анаксимена. По крайней мѣрѣ, онъ нападаетъ на теорію разрѣженія и сгущенія первоначала, введенную Анаксименомъ (см. В 2). Милетская философія, съ точки зрѣнія Парменида, есть неполнѣдовательный монизмъ: если вскрыть ея предпосылки, то она окажется замаскированнымъ дуализмомъ. Явно дуалистическимъ является пифагорейское мировоззрѣніе. Такимъ образомъ милетское и пифагорейское мировоззрѣнія Парменидъ объединяетъ въ одной формулѣ: не только бытіе, но и небытіе существуетъ; различіе между ними лишь въ томъ, что пифагореизмъ сознательно принимаетъ и развиваетъ эту предпосылку, которая въ скрытой и неразвитой формѣ лежала въ основѣ философіи милетцевъ ³⁾. Другое ученіе, опровергаемое Парменидомъ, ученіе о тождествѣ бытія и небытія является сознательной предпосылкой мировоззрѣнія Гераклита и его приверженцевъ. Въ сущности, гераклитизмъ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ пифагореизму, въ какомъ пифагореизмъ къ милетской философіи. Онъ выявляетъ, проясняетъ и развиваетъ то, что безсознательно лежало въ основѣ пифагорейской философіи. Ученіе о бытіи небытія покоится на скрытой предпосылкѣ тождества бытія и небытія. Такова историко-философская схема Парменида: милетская философія (монизмъ, покоющійся на дуалистической предпосылкѣ), пифагореизмъ (ученіе о бытіи небытія) и гераклитизмъ (ученіе о тождествѣ бытія и небытія) — три ступени, изъ которыхъ каждая послѣдующая является какъ бы самосознаніемъ и углубленіемъ предыдущей. Послѣднее слово всего этого развитія — философія Гераклита и его приверженцевъ. На нихъ яростно обрушивается Парменидъ, называя ихъ людьми „о двухъ головахъ“, „пустоголовымъ племенемъ, у котораго во всемъ имѣется обратный путь“.

¹⁾ I. Ремке говоритъ, что бытіе Парменида есть міръ *чистаго пространства*; пространство же для него есть „полное“.

²⁾ H. Diels. Ueber die ältesten Philosophenschulen d. Griechen (Philosoph. Aufsätze, Ed. Zeller gewidmet, 1887, стр. 252 слѣд.). См. также его Parmenides Lehrgedicht 1897, стр. 63.

³⁾ О тѣсной связи древнѣйшей пифагорейской космологіи съ ученіемъ Анаксимена см. Досократики, ч. I, стр. 64.

Итакъ, мы видимъ, что въ первой части своей поэмы Парменидъ, подобно Аристотелю въ первой книгѣ „Метафизики“, оцѣниваетъ съ точки зрѣнія своихъ категорій всѣ предшествовавшія ученія о сущемъ.

Весьма важное значеніе для пониманія Парменидова бытія имѣетъ стихъ: „Мышленіе и бытіе—одно и то же“ (В 5), въ которомъ резюмируется онтологическая теорія познанія Парменида въ противоположность его эмпирической теоріи познанія, данной во второй части поэмы (В 16). Это изреченіе уже въ древности (напримѣръ, Платонъ и Аристотель, см. В 7) склонны были понимать въ смыслѣ: единственно возможное содержаніе мышленія есть чистое бытіе. Исслѣдованію этого положенія посвящаетъ Платонъ свои діалоги: „Софистъ“ и „Парменидъ“, въ которыхъ показываетъ, что строгая дедукція понятія чистаго бытія должна дать иные результаты по сравненію съ тѣми, какіе мы находимъ у историческаго Парменида: понятіе чистаго бытія, какъ таковое, исключаетъ не только прошедшее и будущее, движеніе, множественность, дѣлимость, всякое качественное и количественное различіе, но равнымъ образомъ и тожество, покой, всякую временность и пространственность, и даже единство и недѣлимость. Чистое бытіе совершенно непостижимо и невыразимо. Однимъ словомъ, Платонъ вскрываетъ, что основоположеніе Парменида; „нѣтъ ничего, кромѣ самаго бытія“, при строгомъ проведеніи его, ведетъ не къ монизму и сингуляризму ¹⁾, какъ думалъ Парменидъ, но къ нигилизму (о чистомъ бытіи нельзя даже сказать, что оно едино, такъ какъ понятіе единства есть нѣчто *другое* по сравненію съ понятіемъ бытія). Платонъ доказываетъ, что мышленіе не можетъ имѣть своимъ содержаніемъ *одно* понятіе (будь то понятіе бытія, или единства, или какое-либо другое), что мышленіе всегда совершаетъ переходъ отъ одного понятія къ другому и что небытіе должно быть признано въ нѣкоторомъ отношеніи существующимъ.

Однако, историческій Парменидъ не совпадаетъ съ тѣмъ „исправленнымъ“ Парменидомъ, съ которымъ полемизируетъ Платонъ: его бытіе, хотя и на счетъ несовершенства діалектическаго развитія мысли, богаче содержаніемъ. На самомъ дѣлѣ, Парменидово бытіе не только надѣлено цѣлымъ рядомъ умопостигаемыхъ признаковъ (какъ тожество, единство и т. п.), но оно даже пространственно и вещественно. Поэтому, ученіе Парменида о тожествѣ мышленія и бытія заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ положеній: 1) бытіе есть предметное содержаніе мышленія, 2) нѣтъ мышленія, которое не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ бытіемъ, 3) логически значимому соотвѣтствуетъ подлинная дѣйствительность, 4) существуетъ лишь то, что мыслится, 5) субъектъ и объектъ мышленія совпадаютъ (мысль познаетъ въ сущности самое себя), 6) мысль пространственно-протяженна ²⁾

¹⁾ О значеніи термина „сингуляризмъ“ см. Кюльпе. Введеніе въ философію, р. п. Струве стр. 144.

²⁾ Парменидъ называетъ истину „хорошо закругленной“ (В 1, 29), такъ какъ, по его ученію, мысль кругла.

и матеріально-вещественна, 7) тождественны слѣдующія четыре утвержде-
нія: бытіе существуетъ, мысль существуетъ, бытіе мыслится, мысль мы-
слить себя.

Здѣсь кажется умѣстнымъ остановиться на вопросѣ, можно ли назы-
вать Парменида первымъ идеалистомъ или правильнѣе вмѣстѣ съ Дж.
Бернетомъ считать его отцомъ матеріализма. Гегель ¹⁾, Брандисъ, Рит-
теръ, Швиглеръ, Е. Дюрингъ, Наторпъ ²⁾, Кинкель, П. Дейссенъ и др.
признаютъ Парменида чистымъ идеалистомъ, относя всѣ неудобныя для
ихъ пониманія выраженія Парменида на счетъ образности его поэтиче-
скаго языка. Боймкеръ, Целлеръ, Дильсъ, А. Дерингъ, Гильбертъ (не
говоря о другихъ) не находятъ у Парменида имматеріальности бытія. А
по мнѣнію Джона Бернета, весь матеріализмъ зависитъ отъ Парменидов-
ской точки зрѣнія на реальность (въ частности атомы Демокрита обла-
даютъ именно Парменидовскимъ бытіемъ). Имѣя въ виду конкретность
міровоззрѣнія Парменида, Дж. Бернетъ требуетъ, чтобы, говоря объ уче-
ніи Парменида, избѣгали термина „бытіе“ и употребляли вмѣсто него
описательное выраженіе „то, что существуетъ“.

При рѣшеніи указаннаго спорнаго вопроса мы поставлены въ труд-
ное положеніе подвести ученіе древняго мыслителя подъ современныя
философскія категоріи, притомъ далеко не установившіяся, колеблющіяся
въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой философской
школѣ. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ представители марбургской
школы научный матеріализмъ въ лицѣ Демокрита относятъ къ идеали-
стическому направленію, понимая атомы Демокрита, какъ геометрическія
фигуры, надѣленные непроницаемостью, тяжестью и движеніемъ, усматри-
вая во всѣхъ упомянутыхъ свойствахъ атомовъ не чувственныя качества,
но созданія ума, для другихъ историковъ философіи (напримѣръ, для
Целлера) достаточно одной пространственности бытія для того, чтобы ис-
ключить какого-либо мыслителя изъ ряда идеалистовъ. Съ другой сто-
роны, одни считаютъ матеріализмомъ уже примитивное міровоззрѣніе,
другіе признаютъ, что матеріалистическая точка зрѣнія на міръ впервые
была открыта Левкиппомъ и Демокритомъ, Дж. Бернетъ видитъ основа-
теля матеріализма въ Парменидѣ и считаетъ его послѣдователями Эмпе-
докла, Анаксагора, Левкиппа и Демокрита, а Дѣрингъ съ трудомъ оты-

---

¹⁾ G. W. Fr. Hegel (цит. соч., стр. 296—297) говоритъ, что система Парменида
является началомъ философіи въ собственномъ смыслѣ: здѣсь впервые достигается область
идеальнаго.

²⁾ М. Мандесъ сочувствуетъ взгляду Наторпа, по которому сущее Парменида есть
„такое существованіе, которое лежитъ за предѣлами всѣхъ отношеній пространства и вре-
мени“, и вмѣстѣ съ нимъ находитъ у Парменида лишь сравненіе бытія съ шаромъ. Сверхъ
того, М. Мандесъ (стр. 151 ц. с.) предлагаетъ новое доказательство въ пользу этого по-
ложенія. Міръ „мнѣнія“ у Парменида есть шаръ и, стало быть, это неправда. На это
можно возразить: Міръ „мнѣнія“ ограниченъ, слѣдуетъ ли отсюда, что истинно сущее не
ограничено? Объ отношеніи истиннаго бытія къ міру мнѣнія см. у насъ ниже.

скиваетъ одного единственнаго матеріалиста въ древности—Гиппона. Несомнѣнно, что въ каждомъ изъ указанныхъ случаевъ имѣется въ виду особое пониманіе матеріализма. Въ нашу задачу здѣсь не входитъ разсмотрѣніе того, какъ понимаетъ категоріи идеализма и матеріализма тотъ или другой историкъ философіи. Мы полагаемъ, что названіе матеріализма болѣе всего заслуживаетъ такая философская система, которая принимаетъ въ качествѣ первоосновы всего существующаго мертвое вещество, лишенное всякой органической и психической жизни,—система, въ которой жизнь разсматривается, какъ нѣчто несущественное, вторичное и производное. Равнымъ образомъ идеалистической мы назовемъ такую систему, гдѣ все сводится къ мысли и выводится изъ нея. Подводя міровоззрѣніе Парменида подъ эти категоріи, мы открываемъ здѣсь единственный въ своемъ родѣ случай, когда крайній идеализмъ совпадаетъ съ крайнимъ матеріализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, его вещество безжизненно (не обладаетъ даже движеніемъ) и не надѣлено никакими психическими свойствами (оно тождественно съ мыслью, но мысль не есть его свойство). Съ другой стороны, Парменидъ сводитъ все къ мысли, отрѣшенной какъ отъ индивидуальнаго субъекта, такъ и отъ другихъ сторонъ духовной жизни (особенно отъ ирраціональнаго начала); эти черты и являются наиболѣе характеристичными для идеализма. Последнее слово ученія Парменида заключается въ абсолютномъ отождествленіи мысли и вещества; мы войдемъ въ строго монистическій строй мышленія Парменида только въ томъ случаѣ, если уяснимъ себѣ, что для него мысль и вещество не двѣ стороны или два проявленія одного и того же, не одна сущность, разсматриваемая съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, но они абсолютно тождественны ¹⁾).

Метафизическую позицію всѣхъ мыслителей до Парменида можно охарактеризовать, какъ гилозоизмъ. Дерингъ ²⁾ правильно отмѣчаетъ, что Парменидъ первый порываетъ съ этой точкой зрѣнія. Какимъ же образомъ онъ это дѣлаетъ? Отрицаніемъ у вещества жизни, движенія и качественного разнообразія, удаленіемъ изъ области духа всего, за исключеніемъ логическаго мышленія, сфера котораго притомъ ограничивается лишь однимъ единственнымъ понятіемъ бытія, и, наконецъ, тѣмъ абсолютнымъ отождествленіемъ, какое онъ дѣлаетъ между чистымъ веществомъ и безсубъектнымъ мышленіемъ. Шаръ чистой матеріи, съ одной стороны, и понятіе чистаго бытія, съ другой, соединенные знакомъ равенства, вотъ все, что осталось въ результатѣ.

Въ первой части поэмы Парменидъ приглашаетъ совершенно отрѣшиться отъ чувственнаго опыта. „Не вращай безцѣльно глазами, не слу-

¹⁾ Н. Diels (Parmenides Lehrgedicht 1897, стр. 64—65): „...die zu Grunde liegende Vorstellungen des Parmenides, dass Denken und Sein nicht bloss Correlate, sondern zusammenfallende Begriffe sind“.

²⁾ А. Döring, Gesch. d. griech. Philosophie, I Bd., 1903, стр. 127. Напротивъ, по мнѣнію Т. Гомперца, единое сущее Парменида „одновременно и всевещество и вседухъ“.

шай ушами, въ которыхъ раздается (*только*) шумъ, и не болтай (*праздно*) языкомъ, но разумомъ изслѣдуй высказанное мною доказательство“, говоритъ богиня (В 1, 35—37). Псевдо-Плутархъ (см. А 22) сообщаетъ, что Парменидъ „ощущенія изгоняетъ изъ области истины“. Свидѣтельства же Аристотеля противорѣчивы: говоря объ элеатахъ вообще, онъ то упрекаетъ ихъ въ томъ, что они „оставили безъ вниманія ощущение и совершенно пренебрегли имъ, такъ какъ-де должно слѣдовать разуму“, и считаетъ такое отношеніе къ фактамъ „похожимъ на сумасшествіе“ (de gen. et corr. А 8, 325а 13, см. А 25), то утверждаетъ, что сущимъ они признавали только чувственный міръ (metaph. Г 5. 1010а 1), то, наконецъ, говоритъ, что Парменидъ отличалъ знаніе „согласно разуму“ отъ мнѣнія „согласно ощущенію“ (metaph. А 5. 986 b 18, см. А 24) Можетъ быть, противорѣчивость сообщеній Аристотеля зависитъ отъ того, что въ одномъ случаѣ онъ говоритъ о стремленіяхъ элейской философіи, въ другомъ же даетъ оцѣнку достигнутыхъ ею результатовъ съ своей собственной точки зрѣнія. Подобнымъ образомъ и Т. Гомперцъ ¹⁾ говоритъ: „Парменидъ, повидимому, чистосердечно вѣрилъ, что ему удалось изгнать изъ своей концепціи міра все, порожденное воспріятіями чувствъ и, по истинѣ, мы не можемъ ему поставить въ укоръ то, что онъ заблуждался въ этомъ отношеніи и, подобно И. Канту, проглядѣлъ чувственное происхождение пространственныхъ представленій“. Т. Гомперцъ находитъ въ шаровидной формѣ Парменидова бытія отношеніе къ небесному своду, А. Бэнь—къ формѣ земли. Однако, по нашему мнѣнію, форму Парменидова бытія скорѣе слѣдуетъ поставить въ связь съ представленіемъ древнихъ о шарѣ, какъ самомъ совершенномъ, самодовлѣющемъ тѣлѣ, посящемъ въ самомъ себѣ свое опредѣленіе.

Оригинально рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи эмпирически-чувственного и идеалистически-умопостигаемаго въ системѣ Парменида К. Боймкеръ ²⁾. Методъ Парменида совершенно идеалистиченъ (П. повсюду апеллируетъ къ логическому умозрѣнію), но объектъ его умозрѣнія—бытіе не идеалистическое (міръ мыслей), но пространственное и тѣлесное. Пармениду совершенно чужда основная предпосылка идеалистическаго пониманія: различеніе умопостигаемаго и чувственнаго міровъ, какъ двухъ совершенно различныхъ объектовъ. Для Парменида объектъ умозрѣнія тождественъ съ объектомъ чувственнаго воспріятія, только не всѣ опредѣленія, какія находитъ въ этомъ объектѣ чувственное воспріятіе, сохраняются мышленіемъ (не всѣ эти опредѣленія мышленіе признаетъ истинными); равнымъ образомъ, найденная въ мысли истинная природа сущаго не цѣликомъ доступна чувственному воспріятію. Сущее Парменида не есть лежащее надъ міровымъ цѣлымъ царство мысли, но оно—это самое міро-

¹⁾ Греческіе мыслители, т. I, стр. 153—154 р. п.

²⁾ С. Bäumker. Die Einheit d. Parmenideischen Seienden, въ Jahrb. f. Philol., Bd. 133.

вое цѣлое, поскольку послѣднее постигается мышленіемъ. Парменидъ не принималъ еще никакой трансцендентальной области наряду съ чувственно-воспринимаемымъ міромъ. Каждое изъ этихъ утвержденій Боймкера, взятое въ отдѣльности, правильно, но вся его концепція Парменидовой философіи совершенно ошибочна вслѣдствіе того, что имъ не учтенъ лежащій въ основѣ всего Парменидова хода мыслей монизмъ, исключаящій всякую возможность дуализма истинно сущаго и являющагося и отвергающій всякое отношеніе бытія ко множественности явленій. Вслѣдствіе этого философія Парменида въ изложеніи Боймкера сводится въ концѣ концовъ къ простому утверженію, что существуетъ только одинъ міръ, который неподвиженъ, какъ цѣлое, между тѣмъ какъ отдѣльныя части его находятся въ движеніи. Совершенно непонятнымъ является преклоненіе Платона и другихъ передъ такой плоской философіей.

Вторая часть поэмы имѣетъ своей задачей объясненіе явленій чувственнаго міра. Самъ авторъ смотритъ на излагаемое имъ здѣсь ученіе, какъ на несоотвѣтствующее истинѣ, видитъ въ немъ не болѣе, какъ „рабочую гипотезу“. „Мы имѣемъ, говоритъ М. Мандесъ (стр. 109 ц. с.), странный, быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ случай. Одинъ и тотъ же мыслитель строить двѣ системы, другъ друга исключаящія, изъ которыхъ одна ложна, другая истинна,—единственный, быть можетъ, случай, когда сильный мыслитель создаетъ цѣлую сложную и гармоническую, полную глубокихъ наблюденій и оригинальныхъ мыслей, полную еще не утратившихъ значенія открытій систему—и все это только для того, чтобы объявить ее ложной“.

По М. Мандесу, „Мнѣніе“ Парменида является для автора его самой лучшей изъ ложныхъ теорій. Постараемся найти объясненіе этой загадкѣ („странному случаю“). То, противъ чего Парменидъ столь энергично возставалъ въ первой части поэмы, вводится имъ и какъ бы до известной степени реабилитируется во второй. Самъ авторъ оказывается такимъ образомъ мыслителемъ „о двухъ головахъ“; оказывается, что и у него „имѣется обратный путь“. Такимъ представляется онъ тѣмъ историкамъ, которые не видятъ между обѣими частями Парменидовой философіи никакой связи (А. Шwegлеръ) или полагаютъ, что вторая часть показываетъ колебаніе философа въ своемъ ученіи (Т. Гомперцъ). Съ другой стороны, тотъ страстный тонъ, съ какимъ Парменидъ обрушивается въ первой части своей поэмы на основы ученія второй части, побудили нѣкоторыхъ историковъ (Э. Целлеръ, Г. Дильсъ) принять, что вторая часть излагаетъ ложныя гипотезы противниковъ. Такъ, Э. Целлеръ ¹⁾ говоритъ, что цѣлью второй части поэмы является „представленіе чужихъ, а не собственныхъ мнѣній“, хотя чужіе взгляды и представлены въ болѣе развитомъ и улучшенномъ видѣ сравнительно съ исторически подлинными ученіями. Подобно Платону, Парменидъ показываетъ, какія ученія онъ далъ бы, если

---

¹⁾ E. Zeller I¹ стр. 581—584.

бы сталъ на точку зрѣнія своихъ противниковъ. По мнѣнію Г. Дильса, Парменидъ во второй части своей поэмы предлагаетъ критическое обозрѣніе мнѣній предшествующихъ мыслителей („доксографію“), даетъ резюме всей исторіи философіи до него. Онъ сводитъ всѣ прежнія системы къ одной контрарной противоположности и доказываетъ ея несоединимость съ законами мышленія. Ошибку всей физики до него Парменидъ видѣлъ въ дуалистическомъ проведеніи мысли объ единствѣ, въ неспособности избѣгать антиномій, и считалъ философію Гераклита наиболѣе яркимъ и законченнымъ выраженіемъ всего этого научнаго теченія, такъ какъ въ ней противорѣчіе возведено въ принципъ. Новую точку зрѣнія на отношеніе между первой и второй частями поэмы открываетъ Фр. Ницше, который различаетъ въ философскомъ развитіи Парменида два періода: анаксимандровскій, памятникомъ котораго является вторая часть поэмы, и періодъ образованія собственной самостоятельной системы. Дж. Бернетъ (стр. 211 цит. соч.), указывая, что Парменидъ вначалѣ держался пифагорейскаго міровоззрѣнія (какъ послѣдователь Аминія), отъ котораго позже отказался, понимаетъ поэму, какъ отреченіе Парменида отъ прежнихъ взглядовъ, которые и изложены во второй части, послѣ того какъ показана вся ихъ несостоятельность. Дѣйствительно, вторая часть поэмы Парменида есть, по вѣрному опредѣленію кн. С. Трубецкого, „ранняя пифагорейская переработка системы Анаксимандра“ и лучше всего можетъ быть объяснена, какъ изложеніе первоначальнаго credo Парменида. Видѣть въ ней просто „карикатуру“ на прежнія философскія ученія, подобно пародіямъ Ксенофана, препятствуетъ та тщательность, съ какой здѣсь объясняются явленія чувственнаго міра подъ угломъ единой строго проведенной точки зрѣнія, а также еще болѣе то обстоятельство, что предлагаемыя здѣсь ученія представляютъ собой дѣйствительный прогрессъ научнаго знанія въ различныхъ отношеніяхъ (въ противоположность не имѣющимъ никакого серьезнаго значенія космологическимъ ученіямъ Ксенофана). Итакъ, вторая часть поэмы содержитъ въ себѣ пифагорейскую систему, развитую Аминіемъ и Парменидомъ (какъ мы увидимъ, на ней отразилась печать оригинальнаго мышленія Парменида). Впослѣдствіи же, придя къ новому міровоззрѣнію, Парменидъ сохраняетъ свое прежнее ученіе въ качествѣ „рабочей гипотезы“, такъ какъ его онтологія не только не даетъ ключа къ объясненію чувственнаго міра, но прямо отказывается отъ этой задачи, утверждая, что о чувственномъ мірѣ не можетъ быть истиннаго знанія. Истинное знаніе познаетъ лишь истинное бытіе, чувственный міръ для него просто не существуетъ. Ложная же видимость, показываемая обманчивыми чувствами, можетъ быть объясняема лишь ложнымъ ученіемъ („мнѣніемъ“), которое постулируетъ существованіе несуществующаго ¹⁾). Такимъ образомъ мы усматриваемъ между первой и

¹⁾ Какъ справедливо говоритъ А. Патинъ (Parmenides im Kampfe gegen Heraklit 1899, стр. 500 слѣд.), „Мнѣніе“ имѣетъ свой особый міръ, свою особую область наряду съ „Истиной“. Ея міръ — всеобщая и необходимая иллюзія.

второй частями поэмы тѣсную связь (онѣ дополняютъ другъ друга), объясняемую отсутствіемъ всякой связи между объектами ихъ изслѣдованія: истиннымъ бытіемъ, съ одной стороны, и кажущейся видимостью, съ другой. Бытіе не есть сущность, лежащая въ основѣ кажущагося чувственнаго міра, учить Парменидъ, сущностью этой видимости скорѣе является небытіе (ирраціональное начало); поэтому нѣтъ перехода отъ бытія къ видимости и отъ онтологіи къ космологіи.

Намъ извѣстна въ исторической литературѣ лишь одна попытка установить связь между бытіемъ и видимостью въ міровоззрѣніи Парменида. Она принадлежитъ Медикусу ¹⁾, доказывающему, что физика Парменида есть миеъ, который можно сравнить съ миеами Платона. Парменидъ знаетъ, что есть вопросы, на которые можетъ отвѣчать только поэтъ таковъ именно вопросъ о сущности кажущагося міра. Всѣ образы, которыми пользуется Парменидъ во второй части своей поэмы, имѣютъ лишь символическое значеніе. Ни богини, правящей міромъ, ни свѣта, ни тьмы, выступающихъ въ роли элементовъ, не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Каково же содержаніе того миеа, которымъ является физика Парменида? Загадка отношенія единаго къ многому, или бытія къ видимости, есть, согласно этому миеу, загадка любви, полового совокупленія и рожденія. Возникновеніе каждой вещи есть рожденіе и должно быть понимаемо по аналогіи съ рожденіемъ людей. Человѣкъ, который любитъ, чувствуетъ, что онъ самъ по себѣ не есть законченное цѣлое, но лишь часть подлинно цѣлаго, такъ какъ онъ нуждается въ восполненіи. Въ половомъ же совокупленіи представлено первоначальное единство. Половое совокупленіе—такой процессъ въ мірѣ видимости, анализъ котораго можетъ дать объясненіе связи между истинно сущимъ и просто кажущимся: здѣсь человѣкъ ближе къ сущности нераздѣльнаго бытія, чѣмъ когда-либо въ другое время, здѣсь переживаетъ онъ самовозвышеніе, восполненіе своей неполноты. Въ половомъ актѣ люди поднимаются надъ своимъ тѣнеподобнымъ полусуществованіемъ, становятся единствомъ и впервые достигаютъ истиннаго существованія. Половое стремленіе есть страстное желаніе истиннаго существованія. Парменидъ стоитъ въ началѣ того ряда философовъ, которые въ качествѣ послѣдняго отвѣта на послѣдній метафизическій вопросъ говорятъ слово: „любовь“ (Платонъ, Аристотель, Плотинъ, Спиноза, Фихте, Шеллингъ). Кажущійся міръ есть для него призрачное видѣніе любовнаго опьянѣнія. Въ міровоззрѣніи Парменида былъ заложенъ въ скрытой безсознательной формѣ такой ходъ мысли: совершенство бытія требуетъ, чтобы бытіе сознавало свое совершенство, а гдѣ есть знаніе о чемъ-либо совершенномъ, тамъ есть и любовь. Мышленіе и Бытіе въ ихъ взаимопроникновеніи представляютъ абсолютное единое Бытіе; изъ этого ихъ единства рождается новое третье начало: Любовь. Изъ Любви же возникаетъ міръ явленій.

---

¹⁾ F. Medicus. Zur Physik d. Parmenides (Philosophische Abhandlungen f. Max Heinze, 1906, стр. 137 слѣд.).

Такъ понимаетъ Медикусъ физику Парменида. Нельзя отрицать, что имъ усмотрѣны нѣкоторыя стороны Парменидова ученія, которыхъ обычно не замѣчаютъ, однако, онъ придаетъ имъ чрезмѣрное значеніе, не соотвѣтствующее ихъ дѣйствительной роли въ системѣ Парменида. Дѣйствительно, эротическій элементъ весьма силенъ въ поэмѣ Парменида, какъ это ранѣе указалъ Гоэль ¹⁾, и возникновеніе міра (какъ и каждой вещи въ немъ) онъ понимаетъ по аналогіи съ рожденіемъ. Достоинно вниманія, что въ физикѣ Парменида міромъ правитъ богиня любви, что прежде всѣхъ боговъ она создала Эроса, и, наконецъ, что послѣдній—единственное мужское существо (кромѣ самого поэта) въ поэмѣ Парменида, изображающей путешествіе къ богинѣ истины въ сопровожденіи дѣвъ солнца (даже везутъ его къ ней *αἰ Ἴλλοι*, т. е. кобылицы). Однако, усматривать метафизическій смыслъ въ половомъ актѣ, а въ любви мостъ отъ чувственнаго міра къ истинному бытію, это значитъ платонизировать Парменида. Выводить же любовь изъ взаимопроникновенія мышленія и бытія значитъ впадать въ поэмѣ Парменида еще болѣе позднія ученія.

Переходимъ къ содержанію физическихъ ученій, данныхъ во второй части поэмы Парменида. Въ качествѣ высшихъ началъ здѣсь принимаются два матеріальныхъ элемента (Парменидъ называетъ ихъ „формами“) и особая дѣятельная сила (богиня любви). Такимъ образомъ Парменидъ первый отдѣляетъ движущую причину отъ причины матеріальной, и уже въ этомъ отношеніи его физика имѣетъ важное значеніе для послѣдующаго развитія философской мысли. Матеріальными началами у Парменида являются „свѣтъ“ (или огонь) и „ночь“ (или мракъ). Аристотель и доксографы отождествляютъ „свѣтъ“ Парменида съ началомъ огненнымъ, тонкимъ, теплымъ и легкимъ, и приписываютъ ему роль дѣйствующей причины; „ночь“ же Парменида они отождествляютъ съ землей, началомъ плотнымъ, холоднымъ и неподвижнымъ, и придаютъ ей роль матеріальной причины. Перипатетическое пониманіе Парменидова „свѣта“, какъ активнаго начала, и его „ночи“, какъ пассивной матеріи, приходится отвергнуть въ виду того, что Парменидъ вводитъ особое творческое начало—богиню любви. Болѣе пріемлемымъ является сопоставленіе матеріальныхъ началъ физики Парменида съ пифагорейскими „предѣломъ“ и „безпредѣльнымъ“, хотя Парменидъ не допускаетъ безконечности и въ мірѣ „мнѣнія“. Между тѣмъ какъ П. Таннери полагаетъ, что у Парменида свѣтъ соотвѣтствуетъ безпредѣльному, ночь предѣлу (въ этомъ онъ усматриваетъ расхожденіе Парменида съ Пифагоромъ), Дж. Бернетъ думаетъ, что свѣтъ Парменида слѣдуетъ отождествить съ предѣломъ пифагорейцевъ (огнемъ Гиппаса) и его ночь съ ихъ безпредѣльнымъ, и видитъ въ физикѣ Парменида первую грубую форму позднѣйшаго пифагорейскаго ученія о предѣлѣ и безпредѣльномъ. Въ связи съ этимъ споромъ стоитъ вопросъ, соотвѣтствуютъ ли физическіе элементы

¹⁾ К. Goel, цит. соч., стр. 64—65.

Парменида его онтологическимъ понятіямъ бытія и небытія. Этотъ вопросъ изслѣдуетъ В. Овчинниковъ ¹⁾, который, выступая вмѣстѣ съ П. Таннери противъ Аристотеля, Брандиса, Риттера, Целлера и кн. С. Трубецкого, оспариваетъ параллелизмъ физическихъ стихій съ онтологическими сущностями у Парменида. „Парменидъ лишь хотѣлъ изобразить контрастъ двухъ міровъ, различно постигаемыхъ человѣкомъ, а между тѣмъ въ его поэмѣ хотятъ видѣть еще и отраженіе одного изъ этихъ міровъ въ другомъ“, говоритъ онъ. ²⁾ Мы позволимъ себѣ не согласиться съ уважаемымъ авторомъ, такъ какъ думаемъ, что допущеніе существованія небытія наряду съ бытіемъ отнюдь не служитъ „отраженію“ истинно сущаго въ мірѣ кажущемся и нисколько не нарушаетъ контраста между ними. Скорѣе наоборотъ; по крайней мѣрѣ, какъ старается доказать самъ Парменидъ въ первой части своей поэмы. Не согласенъ я и съ другимъ мнѣніемъ В. Овчинникова, который говоритъ: „Какъ будто два человѣка работали надъ двумя частями поэмы: такъ различны здѣсь методы изученія у нашего элейца: абстрактный въ онтологіи и эмпирический въ физикѣ и гносеологическомъ ученіи“. ³⁾ Скорѣе правъ Фр. Ницше, который находитъ, что склонность Парменида къ абстрактно-логическому методу отразилась и на его физикѣ, а именно, она сказалась въ сведеніи всего къ противоположностямъ свѣта и тьмы, причемъ послѣдняя есть отрицаніе перваго. Эмпирический міръ имѣетъ позитивныя свойства: свѣтлое, теплое, огненное, тонкое, мужское („бытіе“) и свойства отрицательныя, которыя суть лишь отсутствіе положительныхъ („небытіе“).

Итакъ, мы полагаемъ, Аристотель правъ, утверждая, что свѣтъ Парменида соотвѣтствуетъ его бытію, ночь небытію. Конечно, это не значитъ, что между этими понятіями ставится знакъ равенства. Небытія нельзя выразить никоимъ образомъ, бытіе же постигается лишь мышленіемъ и не можетъ быть представлено въ чувственномъ образѣ. Физическіе элементы—лишь „мнимыя“ бытіе и небытіе. Поэтому М. Мандесъ идетъ слишкомъ далеко, когда на основаніи указаннаго соотвѣтствія приписываетъ Пармениду мнѣніе: „огонь есть нѣчто, земля ничто“, „въ основѣ міра лежитъ свѣтъ“, и такимъ образомъ дѣлаетъ физику Парменида монистической. ⁴⁾

Достойно вниманія, что въ физической плоскости бытіе отражается въ видѣ эфирнаго огня, небытіе въ видѣ плотной земли. Признавъ небытіе (пустое пространство) непредставимымъ и невыразимымъ, Парменидъ вводитъ въ своей физикѣ въ качествѣ замѣстителя небытія начало

¹⁾ „О натурфилософіи Парменида“ (въ ХАРИТЕЗ проф. Е. А. Боброву).

²⁾ ХАРИТЕЗ стр. 27.

³⁾ Тамъ же стр. 36.

⁴⁾ Рядъ странныхъ выводовъ, которые получаетъ М. Мандесъ изъ подобнаго соединенія Парменидова ученія объ истинѣ съ его „мнѣніемъ“, см. „Элеаты“ стр. 162—166. Параллелизмъ не даетъ еще права на переходъ изъ одной области въ другую.

мрачное, холодное, косное, какимъ представлялась ему земля. Въ признаніи *двухъ* матеріальныхъ началъ Парменидъ слѣдуетъ Ксенофану съ той лишь разницей, что, между тѣмъ какъ космологія Ксенофана признавала элементами землю и воду, физика Парменида принимаетъ въ качествѣ элементовъ землю и огонь.

Физика Парменида учитъ, что міръ единъ (въ противоположность іонійскому и пифагорейскому ученіямъ о множественности міровъ) и неподвиженъ (Таннери, Мильо и Боймкеръ полагаютъ, что элейское отрицаніе движенія имѣло въ виду лишь міръ, какъ цѣлое). Парменидъ считаетъ вселенную состоящей изъ ряда концентрическихъ „вѣнцовъ“, вращающихся вокругъ центра. Это представленіе родственно ученію Анаксимандра о небесныхъ кольцахъ и пифагорейской теоріи сферъ. Ученіе Парменида о вѣнцахъ извѣстно намъ изъ небольшого отрывка поэмы (В 12) и изъ сбивчиваго, частью явно ошибочнаго, сообщенія доксографіи (А 37). Естественно, это ученіе не можетъ быть возстаповлено такъ, чтобы не вызывать сомнѣній и разногласій. Считая вопросъ открытымъ въ виду того, что наши источники слишкомъ скудны, чтобы возможно было притти къ твердому рѣшенію, мы для характеристики положенія вопроса приведемъ главнѣйшіе отвѣты. Между тѣмъ какъ Эд. Целлеръ считаетъ вѣнцы Парменида шарами, А. Патинъ называетъ ихъ сегментами мірового шара и П. Таннери признаетъ ихъ вложенными другъ въ друга цилиндрами. Г. Дильсъ даетъ слѣдующую реконструкцію этого ученія. Вѣнцы, т. е. міровыя кольца, бываютъ двухъ видовъ: 1) кольца изъ чистаго огня и изъ чистой земли и 2) кольца, представляющія собою смѣсь огня и земли. Міровыя кольца перваго вида („чистые“) являются двойными: рядомъ съ болѣе широкимъ кольцомъ изъ одного элемента помѣщается болѣе узкое кольцо изъ другого элемента (это мнѣніе о двойныхъ вѣнцахъ впервые было высказано Крише). Міровыхъ колець перваго вида всего четыре; изъ нихъ два окружаютъ вселенную и два образуютъ ея центръ. Окружаютъ вселенную два вѣнца: 1) крайній олимпъ, твердь изъ земли, болѣе широкое кольцо, и 2) прилегающій къ нему эирный огонь, болѣе узкое кольцо. Центръ вселенной образуютъ также два вѣнца: 1) земная кора, болѣе широкое кольцо изъ чистой земли, и 2) внутренность земли, вулканической огонь, болѣе узкое кольцо. Итакъ, изъ четырехъ чистыхъ вѣнцовъ (міровыхъ колець перваго вида)—два периферическихъ и два центральныхъ, два болѣе широкихъ и два болѣе узкихъ, два изъ огня и два изъ земли. Между периферическими и центральными чистыми кольцами расположены кольца втораго вида, т. е. вѣнцы, представляющіе собою смѣсь огня и земли. Такими смѣшанными вѣнцами являются млечный путь, солнце, луна и планеты. О. Гильбертъ (цит. с., стр. 39 слѣд.) возстанавливаетъ ученіе Парменида слѣдующимъ образомъ: Центръ міра образуетъ шарообразная земля, нижнюю поверхность которой объемлетъ огонь (это—не огненный „вѣнецъ“, но подземное царство богини Дике). Верхній міровой вѣнецъ состоитъ изъ тонкаго элемента, прилегающій къ землѣ—изъ плотнаго,

вѣнцы же, лежащіе между ними—смѣшанные. Ни внутри земного шара, ни вокругъ его нѣтъ огненнаго вѣнца (учить онъ противъ Г. Дильса и Ф. Зуземиля).

Ученіе о двойныхъ чистыхъ вѣнцахъ принимаетъ вмѣстѣ съ Дильсомъ Фр. Зуземиль, ¹⁾ который слѣдующимъ образомъ рисуетъ мірозданіе у Парменида. Есть два двойныхъ вѣнца: внѣшній и внутренній. Внѣшній двойной вѣнецъ, окружающій вселенную, состоитъ изъ верхняго темнаго полога шара и лежащаго подъ нимъ свѣтлаго. Напротивъ, внутренній двойной вѣнецъ, образующій самый центръ вселенной, состоитъ изъ темнаго ядра (земля съ ея воздушной атмосферой) и окружающаго его огненнаго шара. Между обоими свѣтлыми полыми шарами (нижнимъ внѣшнимъ и верхнимъ внутреннимъ) расположены смѣшанные вѣнцы. По мнѣнію Г. Бергера ²⁾, мірозданіе у Парменида состоитъ изъ двухъ шаровъ: мірового („объемлющее“) и земного („самое среднее“) и расположенныхъ между ними вѣнцовъ, которые являются не полыми шарами, но кольцеобразными поясами (небесными зонами). Есть два огненныхъ пояса, изъ которыхъ одинъ непосредственно прилегаетъ къ міровому шару, другой—къ земному, сливаясь съ жаркой земной зоной. Между этими огненными поясами расположены смѣшанные вѣнцы (круги планетъ). А. Дерингъ ³⁾ излагаетъ Парменидово ученіе о вѣнцахъ слѣдующимъ образомъ. Вселенную, состоящую изъ пяти сферъ, окружаетъ твердая оболочка. Міровыя сферы расположены въ такомъ порядкѣ: 1) самая крайняя, лежащая ближе къ міровой оболочкѣ, чистая огненная сфера (эоиръ), 2) сфера солнца, смѣшанная съ преобладаніемъ огня, 3) млечный путь, сфера самага тѣснаго и самага равномѣрнаго смѣшенія обоихъ элементовъ, и 4) сфера земли (земля съ окружающимъ ее воздухомъ), чистая сфера изъ темнаго элемента, лежащая въ центрѣ міра. П. Таннери ⁴⁾ приписываетъ Пармениду слѣдующее ученіе о вѣнцахъ. Вселенную окружаетъ, на подобіе стѣны, темный плотный сводъ; темнымъ и плотнымъ является также ея центральное ядро (наша земля). Вѣнцы, которые Аэцій называетъ огненными, П. Таннери считаетъ состоящими не изъ чистаго огня, но представляющими смѣсь двухъ элементовъ лишь съ преобладаніемъ огня. Такихъ вѣнцовъ два. Одинъ изъ нихъ непосредственно прилегаетъ къ темному своду вселенной (это—млечный путь), другой окружаетъ центральное ядро вселенной (атмосфера, или, по крайней мѣрѣ, ея свѣтлая часть). Между этими огненными вѣнцами помѣщаются вѣнцы, представ-

¹⁾ Fr. Susemihl. Zum zweiten Theile d. Parmenides (Philologus, Bd. 58, II Heft, 1899).

²⁾ H. Berger. Die Zonenlehre d. Parmenides (Berichte über d. Verhandl. d. k. Sächs. Gesellsch. d. Wiss. z. Leipzig, 1895), стр. 66 слѣд.

³⁾ A. Döring. Das Weltsystem d. Parmenides (Zeitschr. f. Philosophie u. Philosophische Kritik, N. F., 104 Bd.) и Ein Wort pro domo etc. (тамъ же, 111 Bd.).

⁴⁾ P. Tannery. La physique de Parménide (Revue philosophique XVIII, 1884, стр. 28) слѣд.) и П. Таннери. Первые шаги древне-греческой науки, р. п. 1902, стр. 224 слѣд.

ляющие собою смѣсь изъ двухъ элементовъ, но съ преобладаніемъ темнаго (между ними есть и совсѣмъ темные). Эти промежуточные вѣнцы соотвѣтствуютъ (считая отъ земли) орбитамъ луны, солнца и пяти планетъ. Другіе изслѣдователи склонны въ ученіи о вѣнцахъ видѣть не космологическую теорію, изображающую современное устройство вселенной, а отдѣлъ изъ космогоніи Парменида. Такъ, I. Буле¹⁾, полагаетъ, что теорія вѣнцовъ рисуетъ первоначальное положеніе вселенной, представлявшее собой рядъ концентрическихъ круговъ: самый высшій кругъ чистаго огня, затѣмъ кругъ воздуха, далѣе кругъ воды, самый средній кругъ земли. Равнымъ образомъ А. Патинъ²⁾ считаетъ теорію вѣнцовъ космогоническимъ ученіемъ и излагаетъ ее такъ: Вселенная -- шаръ, вѣнцы—сегменты его (естественно, крайніе сегменты уже среднихъ, лежащихъ у діаметра); у верхняго полюса вселенной—чистый огонь; за нимъ первая смѣсь съ преобладаніемъ огня; за ней вторая смѣсь, въ которой огонь и ночь соединены равномѣрно; далѣе третья смѣсь съ преобладаніемъ ночи, и, наконецъ, въ самомъ низу вселенной земля (плоскій дискъ). Оригинально восстанавливаетъ Парменидову теорію вѣнцовъ М. Мандесъ³⁾, относящій ее также къ космогоніи. Міровую сферу объемлетъ твердая оболочка (крайній Олимпъ), въ центрѣ вселенной лежитъ сфера земная. Между этими двумя шарами рядъ вѣнцовъ (полые шары). Есть всего два чистыхъ вѣнца: одинъ изъ огня, другой изъ ночи; первый расположенъ подъ стѣной, окружающей міръ (пылающій небесный сводъ), второй вкругъ земли (холодный, темный, густой слой, это—область воздуха). Чѣмъ ближе къ наружной стѣнкѣ вселенной, тѣмъ больше свѣта и тепла; чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ больше тьмы и холода. За самымъ высшимъ и самымъ широкимъ кругомъ чистаго огня слѣдуетъ рядъ болѣе узкихъ (по діаметру) круговъ; это—вѣнцы, смѣшанные изъ огня и ночи; за ними слѣдуютъ самыя узкіе вѣнцы, наполненные ночью.

Спорнымъ является также вопросъ о мѣстопребываніи богини—правительницы міра. Богиню любви, правящую всѣмъ въ мірѣ, Парменидъ помѣщаетъ въ центрѣ; однако, неясно, о какомъ центрѣ идетъ здѣсь рѣчь: о центрѣ ли міровыхъ вѣнцовъ (т. е. о среднемъ изъ вѣнцовъ,—мнѣніе Теофраста, принимаемое Карстеномъ) или о центрѣ вселенскаго шара (мнѣніе Ямвлиха и Симплиція, принимаемое Крিশе)⁴⁾. Въ этомъ

¹⁾ I. Buhle. Lehrbuch d. Geschichte d. Philosophie, I Th., 1796, стр. 296.

²⁾ A. Patin. Parmenides im Kampfe gegen Heraklit, 1899, стр. 622—625 (см. чертежъ на стр. 624).

³⁾ „Элеаты“, см. чертежъ на стр. 186.

⁴⁾ Еще болѣе разногласій получается при попыткахъ болѣе точнаго опредѣленія мѣстопребыванія богини. О. Гильбертъ помѣщаетъ ее въ огнѣ, облегаящемъ нижнюю поверхность земли, Ф. Зуземиль—въ верхней свѣтлой части внутренняго вѣнца (онъ полагаетъ, что міровымъ центромъ мыслился весь внутренній двойной вѣнецъ), Г. Бергеръ помѣщаетъ богиню на солнцѣ, какъ на источникѣ жизни, А. Дерингъ—на млеч-

ученіи о богинѣ въ центрѣ вселенной есть нѣкоторое сходство съ пиеагорейскимъ ученіемъ о Гестіи, матери боговъ¹⁾.

Физика Парменида представляетъ собой значительный научный прогрессъ по сравненію съ прежними ученіями. Кромѣ упомянутого уже отдѣленія дѣятельной силы отъ вещества, мы находимъ здѣсь увеличеніе числа небесныхъ колець, измѣненіе ихъ порядка, лучшее представленіе о движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, признаніе земли шаромъ и ея внутренности огненной, отождествленіе утренней и вечерней звѣзды, ученіе о томъ, что луна свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ, и такъ далѣе. П. Таннери находитъ у Парменида теорію самосвѣтящейся атмосферы, по которой наша дневная атмосфера свѣтится сама собой и только перемѣщается вслѣдъ за солнцемъ; она есть огненное кольцо. Аналогичныя представленія о дневномъ свѣтѣ встрѣчаются позже у Эмпедокла и Филолая. По аналогіи съ астрономическими зонами²⁾ Парменидъ дѣлитъ поверхность земли на пять климатическихъ поясовъ, вслѣдствіе чего часть земли, отнесенная къ жаркому климату (сожженная, и потому необитаемая), является у него слишкомъ большой по сравненію съ умѣренными и холодными поясами земли. Впрочемъ, нѣкоторые приписываютъ это ученіе о физико-географическихъ зонахъ Пиеагору.

Физика Парменида, изображая возникновеніе вселенной, говоритъ, что первымъ изъ всѣхъ дѣлъ созидавшей міръ богини было рожденіе Эроса. Повидимому, далѣе описывалось, какъ родились прочіе боги. Теогонія у Парменида сливалась съ космогоніей, такъ какъ образы народныхъ боговъ онъ сводилъ къ тѣламъ и силамъ природы (см. А 20), являясь предшественникомъ стойковъ въ рационалистическомъ истолкованіи народной религіи.

Ученіе Парменида о человѣкѣ образуетъ слѣдующій рядъ положеній. Человѣкъ, подобно каждой вещи въ мірѣ, состоитъ изъ двухъ элементовъ. И душа человѣка состоитъ изъ огня и земли. Въ ученіи о возникновеніи живыхъ существъ на землѣ Парменидъ является предшественникомъ Эмпедокла (см. А 51). Эмбриологія Парменида ставитъ полъ людей, ихъ внѣшній видъ и разнообразіе характеровъ въ зависимость отъ условій зарожденія. Женщины, учитъ Парменидъ въ противоположность Эмпедоклу, заключаютъ въ себѣ больше теплоты, чѣмъ мужчины. Отношеніе тепла къ холоду въ организмѣ человѣка опредѣляетъ, по мнѣ-

---

номъ пути (такъ какъ здѣсь оба элемента смѣшаны самымъ тѣснымъ образомъ и наиболѣе равномерно). Само собой напрашивается помѣщеніе богини во внутренности земли (центральной огнѣ).

¹⁾ Это гармонируетъ съ общей пиеагорейской окраской физики Парменида. Изъ изслѣдователей одинъ только Е. Апелътъ (*Parmenidis et Empedoclis doctrina de mundi structura*, 1857) совершенно отрицаетъ пиеагорейскій элементъ въ физикѣ Парменида.

²⁾ Н. Berger (цит. соч., стр. 106) доказалъ, что основанное Парменидомъ ученіе о физически-географическихъ зонахъ возникло изъ изслѣдованія отношенія, существующаго между земнымъ и небеснымъ шарами.

нію Парменида, образъ мыслей человѣка. Физика Парменида считаетъ ощущеніе и мышленіе тождественными. Ощущенія тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше въ организмѣ теплоты. Теорія ощущеній Парменида основывается на принципѣ: подобное познается подобнымъ. И мертвые ощущаютъ, но, такъ какъ въ трупѣ нѣтъ теплоты, то мертвецъ ощущаетъ лишь холодъ и тьму. Зрѣніе Парменидъ объясняетъ (подобно пифагорейцамъ) исхожденіемъ лучей изъ глаза человѣка. У Парменида находимъ также пифагорейское ученіе о душепереселеніи.

Введеніе поэмы Парменида заключаетъ въ себѣ заимствованія у Гезіода, Эпименида и орфиковъ¹⁾, первая часть поэмы (ученіе о бытіи) обнаруживаетъ вліяніе Ксенофана (въ своемъ содержаніи)²⁾ и вліяніе пифагорейской математики (въ методѣ аргументаціи), вторая же часть (физика) опирается на Анаксимандра и пифагорейскую космологію.

Парменидъ оставилъ послѣ себя только одно сочиненіе—дидактическую поэму „О природѣ“, отрывки которой дошли до насъ главнымъ образомъ благодаря цитатамъ у Симплиція³⁾. Платонъ сообщаетъ (см. А 5), что Парменидъ излагалъ свои ученія также въ прозаической формѣ „посредствомъ вопросовъ“ (устное діалогическое изложеніе).

Оцѣнка Парменида, какъ поэта, въ древности и въ новое время часто была невысокой (см. А 15, 16, 17 и 18). Такъ, Плутархъ затрудняется причислить стихи Парменида къ поэзіи и порицаетъ технику ихъ. Проклъ называетъ его темнымъ и считаетъ его рѣчь „скорѣе прозаической, чѣмъ поэтической“. Филонъ (см. 11 А 26) съ грустью отмѣчаетъ, что Парменидъ, подобно Ксенофану и Эмпедоклу, не былъ истиннымъ поэтомъ. Цицеронъ (см. 11 А 25) считаетъ стихи Парменида посредственными. И Г. Дильсъ находитъ, что стихи Парменида по формѣ часто шереховаты, а по содержанію представляютъ собой самую сухую прозу. Исключеніе составляетъ введеніе поэмы⁴⁾. Однако, встрѣчается и иная оцѣнка поэзіи Парменида. Такъ, Дж. Магаффи⁵⁾ говоритъ, что въ поэмѣ Парменида „поразительный блескъ фантазіи соединяется съ глубиной мысли“ и находитъ въ ней мѣста, отличающіяся „замѣчательнымъ

---

¹⁾ См. Parmenides Lehrgedicht von H. Diels, 1897, стр. 11 слѣд.

²⁾ Болѣе спорнымъ является вліяніе Гераклита. Во всякомъ случаѣ, трудно принять основную мысль работы Патина (цит. соч. стр. 534 слѣд.), что на собственное ученіе Парменида наиболѣе повліялъ Гераклитъ, котораго Парменидъ неоднократно будто бы прямо цитируетъ. Парменидъ-де слѣдуетъ Гераклитову ученію объ единствѣ сущаго, отбрасывая его многообразіе.

³⁾ По предположенію Г. Дильса, отъ первой части поэмы („Истина“) сохранилось приблизительно девять десятыхъ, отъ второй („Мнѣніе“) одна десятая. Поэму Парменида имѣлъ еще въ рукахъ Симплицій, который, однако, указываетъ, что это сочиненіе уже въ его время считалось рѣдкостью.

⁴⁾ И Riaux (цит. соч., стр. 24) находитъ, что введеніе поэмы Парменида „n'est pas sans charme“.

⁵⁾ Исторія классическаго періода греческой литературы, т. I, стр. 113—144 р. и. (1882).

полетомъ фантазіи и истиннымъ поэтическимъ огнемъ“. И дѣйствительно, хотя сочиненіе Парменида и нельзя причислить къ шедеврамъ поэзіи, однако, ему нельзя отказать въ энергіи и силѣ выражений, а порой въ богатствѣ воображенія и въ истинно поэтическомъ вдохновеніи.

Поэма Парменида переведена на латинскій языкъ Виссаріономъ (XV в., только частично, въ стихахъ), Ватке и Муллахомъ, на франц. яз. Рио и Таннери, на нѣмецк. яз. Дильсомъ и Нестле, на англ. яз. Фербанксомъ и Бернетомъ, на русск. яз. кн. С. Н. Трубецкимъ (частично) и Г. Церетели.

Спеціальное сочиненіе противъ Парменида написалъ Аристотель. Хотя оно не сохранилось, однако, изъ другихъ сочиненій Аристотеля намъ извѣстно, къ чему сводилась Аристотелева критика Парменида. На этомъ вопросѣ подробно останавливается М. Мандесъ („Элеаты“ въ отдѣлѣ: „Вмѣсто введенія“). Также Ксенократу приписываютъ сочиненіе: „Объ ученіяхъ Парменида“. ¹⁾

Вліяніе онтологіи Парменида на послѣдующее развитіе философской мысли было громаднымъ: едва ли можно найти какого-либо крупнаго мыслителя, жившаго послѣ Парменида, котораго бы не коснулось это вліяніе такъ или иначе. Кромѣ основанной имъ элейской школы, вліяніе Парменида особенно сказалось на Эмпедоклѣ, Анаксагорѣ, атомистахъ, софистахъ, мегарской школѣ, Платонѣ, Аристотелѣ и Плотинѣ. Изъ философовъ новѣйшаго времени можно упомянуть Гербарта, который находитъ противорѣчивыми понятія измѣненія, движенія и множественности свойствъ вещей (однако, сохраняетъ множественность простыхъ реальныхъ сущностей).

Историческую оцѣнку философіи Парменида, дѣлаемую П. Дейссеномъ, см. у насъ „Досократики“, часть I, стр. XXXVII.

А. Жизнь и ученіе.

Жизнь.

1. *Диогенъ IX 21—23.* (21) Элеецъ Парменидъ, сынъ Пирета, былъ слушателемъ Ксенофана (о послѣднемъ Теофрастъ въ „Сокращеніи“ говоритъ, что онъ былъ ученикомъ Анаксимандра). Однако, хотя, дѣйствительно, онъ учился и у Ксенофана, но послѣдователемъ его не сталъ. По свидѣтельству Сотіона, онъ былъ также ученикомъ пивагорейца

---

¹⁾ I. Bidez (Observations sur quelques fragments d'Empédocle et de Parménide, въ Archiv f. Gesch. d. Phil., Bd. IX, 1896) находитъ критику Парменида въ поэмѣ Эмпедокла.

²⁾ Riaux, цит. соч., стр. 103—179.

Аминія, сына Діохайта ¹⁾, мужа хотя и бѣднаго, но бывшаго воплощеніемъ всѣхъ совершенствъ. Скорѣе его-то послѣдователемъ былъ Парменидъ; происходя изъ рода знатнаго и богатаго, онъ послѣ смерти Аминіа соорудилъ въ честь его, какъ героя, святилище. (Итакъ), Аминій, а не Ксенофанъ, обратилъ Парменида къ спокойной жизни созерцателя ²⁾. Онъ первый объявилъ, что земля имѣетъ форму шара и покоится въ центрѣ. И (по его мнѣнію) стихій (*элементовъ*) двѣ—огонь и земля, и первая изъ нихъ играетъ творческую роль, вторая же—роль матеріи.

(22) Люди вначалѣ ³⁾ возникли изъ солнца ⁴⁾. Оно же (?) ⁵⁾ есть теплое и холодное (*начала*), изъ которыхъ всѣ (вещи) образовались. Душа и умъ (по его мнѣнію) тождественны, какъ упоминаетъ и Теофрастъ, излагающій въ „Физикахъ“ ученія почти всѣхъ (*философовъ*). Онъ сказалъ, что философій двѣ, одна—сообразно истинѣ, другая сообразно мнѣнію. Поэтому онъ и говоритъ какъ-то (*цит. В 1, 28—50*). И онъ самъ излагаетъ свою философію въ стихотворной формѣ, подобно Гезіоду, Ксенофану и Эмпедоклу. Критеріемъ же (истины) онъ призналъ разумъ. И ощущенія не точны (по его мнѣнію). По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ (*цит. В 1, 34—36*).

(23) Поэтому-то и говоритъ о немъ Тимонъ:

„И не слѣдующій мнѣнію толпы ⁶⁾, могучій, надменный Парменидъ, который, по истинѣ, освободилъ мышленіе отъ обмана воображенія“. ⁷⁾

На него и Платонъ написалъ діалогъ: „Парменидъ“, озаглавивъ послѣдній: „или объ идеяхъ“. Акме же его было въ 69 олимпиаду (504—501). И, кажется, онъ первый открылъ, что вечерняя и утренняя звѣзды тождественны; такъ сообщаетъ Фаворинъ въ пятой изъ своихъ „Записокъ“. Другіе же приписываютъ это (*открытіе*) Пивагору ⁸⁾. Каллимахъ же говоритъ, что сочиненія его ⁹⁾ не существуетъ. Говорятъ также, что онъ (*Парменидъ*) издалъ законы для согражданъ; такъ сообщаетъ Спевсиппъ въ сочиненіи: „О философахъ“. И онъ первый далъ въ діалогической формѣ разсужденіе, называемое „Ахиллесомъ“. Былъ еще другой Парменидъ, ораторъ, писавшій объ (ораторскомъ) искусствѣ.

2. *Свида*. Парменидъ, сынъ Пирета, элейскій философъ, бывшій ученикомъ Ксенофана Колофонскаго, согласно же Теофрасту—Анакси-

¹⁾ До разъясненія Г. Дильса (Hegnes 35) обычно понимали это мѣсто такъ: „былъ ученикомъ пивагорейцевъ Аминія и Діохайта“.

²⁾ Спокойная жизнь созерцателя противопоставляется полной тревогъ государственной дѣятельности.

³⁾ Въ противоположность позднѣйшимъ стадіямъ развитія. Срв. 18 А 51 и 21 А 72.

⁴⁾ Срв. В 12, 3 слѣд. По другому чтенію: изъ ила или грязи.

⁵⁾ Текстъ испорченъ. „Оно“ здѣсь не можетъ относиться къ солнцу.

⁶⁾ Намекъ на В 1, 30. 34; 8, 51 и т. п.

⁷⁾ Срв. В 8, 52.

⁸⁾ Срв. Диогенъ VIII 14 (18 А 40^a).

⁹⁾ То-есть Пивагора.

мандра Милетскаго. Преемниками же его были Эмпедокль, философъ и врачъ, и элеатъ Зенонъ. Написалъ же онъ физиологію (*т. е. ученіе о природѣ вещей*) въ стихахъ и нѣкоторыя другія сочиненія въ прозѣ, о которыхъ упоминаетъ Платонъ (*Софистъ 237 А; срв. В 7*) (*Сообщеніе Свида заимствовано у Діогена за исключеніемъ конца*).

3. *Діогенъ II 3* Анаксименъ, сынъ Эвристата, милетецъ, былъ ученикомъ Анаксимандра; нѣкоторые же говорятъ, что онъ былъ также ученикомъ Парменида.

4. *Ямвлихъ V. Pyth. 166 (изъ Никомаха)*. Всѣ тѣ, которые дѣлаютъ какое-либо упоминаніе о физикахъ, обыкновенно на первомъ мѣстѣ приводятъ Эмпедокла и элеата Парменида (*Ямвлихъ говоритъ это, чтобы доказать вліяніе Пифагора на культуру Италіи*).

Прокль in Parm. I p. 619, 4 Итакъ, во время этого праздника какъ мы сказали, прибыли въ Аѳины Парменидъ и Зенонъ; Парменидъ былъ учителемъ, Зенонъ же ученикомъ (его); оба—элеаты, при томъ же оба—члены пифагорейскаго союза, какъ гдѣ-то и Никомахъ сообщаетъ.

Фотій bibl. с. 249 (Жизнь Пифагора) p. 439 а 36 Элеаты Зенонъ и Парменидъ. И они принадлежали къ пифагорейскому союзу.

5. *Платонъ Theaet. 183 E*. Парменидъ мнѣ (*Сократу*) кажется, пользуясь выраженіями Гомера, (мужемъ) достойнымъ глубокаго уваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйнаго удивленія. Дѣло въ томъ, что я, право, лично имѣлъ бесѣду съ этимъ мужемъ; я (въ то время былъ) весьма юнымъ, онъ совершеннымъ старикомъ; и на меня онъ произвелъ впечатлѣніе мыслителя дѣйствительно необыкновенной глубины. *Sophist., 217 С* Посредствомъ вопросовъ, подобно тому какъ нѣкогда пользовался (*этимъ приемомъ*) и Парменидъ при изложеніи (своихъ) прекрасныхъ ученій въ моемъ присутствіи; я въ то время былъ юнъ, между тѣмъ какъ онъ уже былъ весьма старъ. *Parm. 127 А* Итакъ, Антифонъ сказалъ, что Пифеодоръ¹⁾ рассказывалъ, какъ нѣкогда пришли на великія панаѳинеи Зенонъ и Парменидъ. И вотъ Парменидъ былъ уже совершенно сѣдымъ, настоящимъ старикомъ, обладалъ прекрасной и благообразной наружностью и имѣлъ, самое большое, около 65 лѣтъ. Зенону же было въ то время приблизительно сорокъ лѣтъ; онъ (отличался) высокимъ ростомъ и пріятной наружностью. И о немъ говорили, будто онъ былъ предметомъ любви Парменида. Они остановились, сказалъ (Антифонъ), у Пифеодора за городской стѣной въ Керамикѣ. Итакъ, туда пришелъ Сократъ и съ нимъ многіе другіе, съ намѣреніемъ послушать сочиненій Зенона. Дѣло въ томъ, что послѣднія тогда впервые были принесены ими, Сократъ же въ то время былъ весьма юнъ. *Напротивъ: Атеней XI 505 F А* именно, къ Пармениду на бесѣды и притти-то съ

---

¹⁾ Пифеодоръ—сынъ Исолоха, бывший аѳинскимъ стратегомъ въ 425 г. и изгнанный въ 424 г.

трудомъ позволяетъ возрастъ Платонову Сократу, не говоря уже о томъ, чтобы высказать или выслушать такія рѣчи. Но что всего ужаснѣе и всего лживѣе, это—сказать безъ всякой настоятельной надобности, будто предметомъ любви Парменида былъ согражданинъ его Зенонъ. *Диогенъ IX 25* элеать Зенонъ. Аполлodorъ въ „Хроникахъ“ говоритъ, что онъ—родной сынъ Телевтагора, усыновленный Парменидомъ (Парменидъ же—сынъ Пирета)...Итакъ, Зенонъ былъ ученикомъ Парменида и предметомъ его любви.

6. *Аристотель Metaph. A. 5. 986 b 22* Ибо говорятъ, что Парменидъ былъ ученикомъ его (*Ксенофана; срв. 11 A 30*).

7. *Александръ in Metaphys. A 3. 984 b 3* О Парменидѣ и мнѣніи его также Теофрастъ въ первой книгѣ „О физикахъ“ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Слѣдовавшій же за нимъ“ (то-есть за Ксенофаномъ) „элеать Парменидъ, сынъ Пирета, пошелъ по обѣимъ дорогамъ. А именно, онъ доказываетъ вѣчность вселенной и (въ то же время) старается объяснить возникновеніе сущаго, причеиъ сужденія его о томъ и другомъ (предметѣ) не одинаковаго порядка, но онъ полагаетъ, что по истинѣ вселенная едина, безначальна и шаровидна; согласно же мнѣнію толпы, для объясненія возникновенія, онъ принимаетъ два начала кажущагося (міра): огонь и землю, одно—въ качествѣ матеріи, другое же—въ качествѣ дѣйствующей причины. *Симплицій phys. 22, 27...* Ксенофанъ Колофонскій, учитель Парменида (*изъ Теофраста*).

8. *Симплицій phys. 28, 4 (Теофрастъ Phys. Opin. fr. 8. D. 483, 11)* Левкиппъ же элеать или милетець (ибо о немъ говорятъ и то и другое), пріобщившись философіи Парменида, пошелъ (въ ученіи) о сущемъ не по одной дорогѣ съ Парменидомъ и Ксенофаномъ, но, какъ кажется, по противоположной. А именно, между тѣмъ какъ тѣ считали вселенную единой, неподвижной, невозникшей и ограниченной и не позволяли даже искать небытія, онъ предположилъ атомы (*недѣлимья частицы*)—бесконечное число всегда движущихся элементовъ.

9. *Диогенъ VIII 55* Теофрастъ же (*Phys. Op. fr. 3. D. 477*) говоритъ, что онъ (Эмпедокль) былъ поклонникомъ Парменида и подражалъ ему въ своихъ сочиненіяхъ. Ибо и тотъ изложилъ свое ученіе о природѣ въ стихахъ.

10. *Симплицій phys. 25, 19* Эмпедокль Агригентинскій, младшій современникъ Анаксагора, поклонникъ и ученикъ Парменида и еще болѣе пифагорейцевъ (*изъ Теофраста; срв. A 9*).

11. *Евсевій Chron. a) Иеронимъ* Эмпедокль и Парменидъ философы, занимавшіеся изслѣдованіемъ природы, пользовались извѣтностью *къ 1561 г. отъ Авраама; армян. Ол. 81, 1 (456); b)* Въ то время пользовался извѣтностью Демокритъ изъ Абдеры, философъ, занимавшійся изслѣдованіемъ природы, а также Эмпедокль изъ Агригента, философы Зенонъ и Парменидъ, и Гиппократъ Косскій *армян. Иеронимъ къ 1581 г. отъ*

Авраама (436). Срв. Chronic. Hellenian. (Inscr. Sic. et It. n. 1297, 30) между Ксерксомъ и Пелопоннесской войной; цифра неразборчива: Послѣ того философъ Сократъ, Гераклитъ Эфесскій, Анаксагоръ, Парменидъ и Зенонъ въ году...

12. *Страбонъ VI 1 p. 252* Обогнувши другой, рядомъ лежащій заливъ, въ которомъ находится городъ; основавшіе (этотъ городъ) фожейцы (назвали его) Гіелей, другіе же (называли его) Элей по имени нѣкоего источника, наши же современники называютъ Элеей. Оттуда были родомъ пивагорейцы Парменидъ и Зенонъ. Какъ мнѣ кажется, (этотъ городъ) имѣлъ хорошіе законы благодаря имъ, да и раньше еще (*срв. А 1*). *Плутархъ adv. Col. 32 p. 1126 А* Парменидъ же свое собственное отечество привелъ въ порядокъ отличнѣйшими законами, такъ что власти ежегодно заставляли гражданъ давать клятву остаться вѣрными законамъ Парменида.

Поэзія (*срв. А 1. 2*).

13. *Диогенъ I 16* Другіе же (оставили послѣ себя) по одному сочиненію: Мелиссъ, Парменидъ, Анаксагоръ.

14. *Симплицій de caelo 556, 25* „О природѣ“ озаглавили свои сочиненія и Мелиссъ и Парменидъ... И, конечно, въ самихъ сочиненіяхъ они говорили не только о сверхъестественныхъ (предметахъ), но и объ естественныхъ и вслѣдствіе этого, можетъ быть, они не отказывались давать имъ заглавіе: „О природѣ“.

15. *Плутархъ Quomodo adul. poet. aud. deb. 2 p. 16 С* Стихотворенія же Эмпедокла и Парменида, а также „О дикихъ звѣряхъ“ Никандра и „Собранія изреченій“ Теогида суть сочиненія, пользующіяся для избѣжанія прозы стихотворнымъ размѣромъ и высокопарностью слога, заимствуя какъ бы колесницу у поэтическаго искусства (*Срв. 1 В 1*).

16.—*De audiendo 13 p. 45 В*. Пожалуй, можно побранить содержаніе (сочиненій) Архилоха, стихотворство Парменида, простоту Фокилида, болтовню Эврипида, неровность Софокла. *Срв. 11 А 25 слѣд*.

17. *Проклъ in Tim. I 345, 12 Diehl*. По крайней мѣрѣ, Парменидъ, хотя онъ и темень вслѣдствіе стихотворнаго способа выраженія, тѣмъ не менѣе онъ самъ, доказывая это, говоритъ...

18.—*in Parm. I p. 665, 17*. Самъ Парменидъ въ стихотворной формѣ. Хотя, конечно, уже самая стихотворная форма заставляла его пользоваться переносными значеніями именъ, фигурами и тропами, однако онъ любилъ лишенный прикрасъ, сухой и ясный способъ изложенія. Это обнаруживается въ такихъ (*мѣстахъ*) (*цит. В. 8, 25. 5. 44. 45*) и все прочее въ такомъ родѣ. Такимъ образомъ рѣчь (его), повидимому, скорѣе прозаическая, чѣмъ поэтическая.

19. *Симплицій phys. 36, 25*. Такъ какъ мы услышимъ Аристотеля, опровергающаго мнѣнія прежнихъ философовъ, и до Аристотеля Платонъ, оказывается, это дѣлаетъ и раньше ихъ обоихъ Парменидъ и Ксенофанъ,

то должно знать, что они, заботясь о поверхностныхъ слушателяхъ, опровергають то, что кажется (имъ) нелѣпымъ въ ученіяхъ предшественниковъ, между тѣмъ какъ древніе имѣли обыкновеніе высказывать свои мнѣнія въ формѣ загадокъ.

20. — — 146, §9. Не удивляйся, если онъ говоритъ, что едино^е сущее „подобно массѣ совершенно правильнаго шара“. (В 8, 43). Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе поэтическаго способа выраженія онъ также прибѣгаетъ къ нѣкоторому миѳическому образу. Какая, въ самомъ дѣлѣ, разница сказать это или такъ, какъ сказалъ Орфей: „серебристое яйцо“? *Менандръ (правильнѣе Генетлій) rhet. I 2, 2.* Относящіяся къ природѣ (гимны), какіе сочинили Парменидъ и Эмпедоклъ со своими послѣдователями (*срв. 21 А 23*). Тамъ же I 5, 2. Существуютъ же такіе (гимны), когда произнося гимнъ Аполлона, мы говоримъ, что онъ есть солнце и ведемъ рѣчь о солнцѣ природы, и о Герѣ (говоримъ), что она—воздухъ, и Зевсъ (есть для насъ) теплота. А именно, такіе гимны относятся къ изслѣдованію природы. И такимъ пріемомъ пользуются подробно Парменидъ и Эмпедоклъ....

Дѣло въ томъ, что Парменидъ и Эмпедоклъ даютъ (*въ этой формѣ*) пространныя толкованія, Платонъ же дѣлаетъ (*въ такихъ случаяхъ*) упоминанія въ самыхъ краткихъ словахъ.

21. *Симплицій phys. 144. 25.*

И если бы никому я не казался мелочнымъ, то я съ удовольствіемъ бы присоединилъ къ этимъ запискамъ стихи Парменида объ единомъ сущемъ, которые притомъ немногочисленны; (*я поступилъ бы такъ*) для подтвержденія правильности сказаннаго мною и вслѣдствіе рѣдкости сочиненія Парменида.

Ученіе (*Срв. А. 1*).

Филонъ in phys. 65. 23 Vit. Говорятъ, что онъ (*Аристотель*) написалъ особую книжку, направленную противъ мнѣнія Парменида.

22. (*Плутархъ*) *Strom. 5 (Евсевій Р. Е. I 8, 5. D. 580)*. Элеать Парменидъ, пріятель Ксенофона, одновременно и присвоилъ себѣ мнѣніе послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ противоположную точку зрѣнія. А именно, онъ объявляетъ, что, согласно истинному положенію вещей, вселенная вѣчна и неподвижна. И дѣйствительно, онъ говоритъ, что она..... (*цит В 8, 4*). Возникновеніе же относится къ области кажущагося, согласно ложному мнѣнію, бытія. И ощущенія онъ изгоняетъ изъ области истины. Онъ говоритъ, что, если что-нибудь существуетъ сверхъ бытія, то оно не есть бытіе. Небытія же во вселенной нѣтъ. Вотъ такимъ-то образомъ онъ оставляетъ бытіе безъ возникновенія. Онъ же говоритъ, что земля образовалась вслѣдствіе стеченія плотнаго воздуха (*изъ Теофраста, какъ и ниже А 23. 28 слѣд.*).

23. *Ипполитъ Ref. I 11 (D. 564)*.

(1). Дѣло въ томъ, что и Парменидъ считаетъ вселенную единой, вѣчной, невозникшей и шаровидной, но при этомъ онъ самъ, не будучи въ

состояніи отрѣшиться отъ мнѣнія толпы, называетъ огонь и землю началами вселенной, принимая землю въ качествѣ матеріи, огонь же въ качествѣ дѣятельной причины. Онъ сказалъ, что міръ погибаетъ, но какимъ образомъ (это бываетъ), не сказалъ.

(2). Этотъ же самый (*мыслитель*) сказалъ, что вселенная вѣчна, безначальна, шаровидна и подобна (*себѣ*), что въ ней нѣтъ мѣста и (что она) неподвижна и ограничена.

24. *Аристотель metaph. А 5. 986 b 18.* А именно, какъ кажется, Парменидъ говорилъ объ умопостигаемомъ единомъ и т. д. *b 27* Парменидъ же кажется говорить какъ-то съ большей проникательностью. А именно, полагая, что наряду съ бытіемъ небытія вовсе нѣтъ, онъ думаетъ, что по необходимости бытіе едино и нѣтъ ничего другого.... Чувствуя же себя вынужденнымъ соображаться съ кажущимся (міромъ), онъ полагаетъ, что, согласно разуму, существуетъ единое, согласно же ощущенію, есть множество (вещей), и опять принимаетъ двѣ причины и два начала: теплое и холодное, такъ какъ онъ называетъ (началами) огонь и землю. Изъ нихъ теплое (начало), по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ бытію, другое же (начало) небытію.

Г 5. 1010a 1 Они изслѣдовали истину о сущемъ, сущимъ же считали только чувственный міръ.

25—*de caelo Г. 298 b 14.* А именно, нѣкоторые изъ нихъ совершенно отвергли возникновеніе и гибель. И дѣйствительно, они говорятъ, что ничто изъ сущаго ни возникаетъ, ни уничтожается, но (такъ) только кажется намъ. Такъ (учатъ), напримѣръ, Мелиссъ и Парменидъ со своими приверженцами. Если въ другихъ отношеніяхъ они и прекрасно разсуждаютъ, однако, по крайней мѣрѣ, должно признать, что они разсуждаютъ не соотвѣтственно природѣ (вещей). Ибо ученіе о томъ, что нѣкоторыя изъ сущихъ (вещей) не возникли и вообще неподвижны, относится скорѣе къ другому, болѣе принципиальному изслѣдованію, чѣмъ къ физикѣ *de gen. et corr. А 8. 325 a 13.* Итакъ, на основаніи этихъ разсужденій оставивъ безъ вниманія ощущеніе и (совершенно) пренебрегши имъ, такъ какъ-де должно слѣдовать разуму, нѣкоторые утверждаютъ, что вселенная едина, неподвижна и безпредѣльна. Ибо граница граничила бы съ пустотой. Итакъ, нѣкоторые вотъ какимъ образомъ по указаннымъ причинамъ высказались объ истинѣ. Притомъ (хотя) на основаніи разсужденій, кажется, (дѣйствительно) получаютъ эти результаты, но дѣлать такія предположенія по поводу фактическаго положенія вещей похоже на сумасшествіе. *Филонъ къ этому мѣсту 157, 27.* Онъ порицаетъ приверженцевъ Парменида за ихъ мнѣніе, будто не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на фактическую дѣйствительность, но только на послѣдовательность въ разсужденіяхъ.

26. *Платонъ Theaet. 181 А.* Если же кажется, что правильнѣе учатъ приверженцы неподвижности вселенной, то перебѣжимъ къ нимъ отъ тѣхъ, которые, съ своей стороны, и неподвижные (предметы) приводятъ въ движеніе.

Секстъ adv. math X 46. Нѣтъ движенія, учать приверженцы Парменида и Мелисса, которыхъ Аристотель (въ одномъ изъ своихъ диалоговъ съ намекомъ на вышеприведенное мѣсто Платона) назвалъ „неподвижниками и противоестественниками“ (т. е. поборниками неподвижности вселенной и отрицателями природы); (онъ назвалъ ихъ) неподвижниками отъ (слова) неподвижность, противоестественниками же—потому, что началомъ движенія является природа, которую они отвергли своимъ утвержденіемъ, что ничто не двигается.

27. *Аристотель phys. Г 6. 207 а 9.* А именно, цѣлому мы даемъ такое опредѣленіе: то, въ чемъ рѣшительно все есть, какъ, на примѣръ, цѣлый человѣкъ или ящикъ. Какъ каждая отдѣльная вещь, точно также и (цѣлое) въ собственномъ смыслѣ, то-есть то цѣлое, внѣ котораго нѣтъ ничего. А то, чему не хватаетъ чего-либо, не находящагося въ немъ, то не есть цѣлое, чего бы ему ни хватало. Цѣлое же и совершенное или рѣшительно одно и то же или весьма близки по природѣ. Совершеннымъ же не является ничто изъ того, что не имѣетъ конца. Конецъ же есть граница. Поэтому-то должно считать, что Парменидъ сказалъ лучше Мелисса. А именно, послѣдній называетъ безпредѣльное цѣлымъ, первый же говорить, что цѣлое ограничено, будучи „равноотстоящимъ отъ центра“ (В 8, 44).

28. *Симплицій phys. 115, 11.*

Ученіе Парменида, какъ сообщаетъ Александръ, слѣдующимъ образомъ излагаетъ Теофрастъ въ первой книгѣ „Исторіи физики“ (*Phys. op. 7; D. 483*): „То, что сверхъ бытія, то не бытіе. Небытіе же—ничто. Слѣдовательно, бытіе едино“. Эвдемъ же (излагаетъ) такъ: „То, что сверхъ бытія, то—не бытіе, но бытіе высказывается въ одномъ только смыслѣ; слѣдовательно, бытіе едино“. Написалъ ли это прямо такимъ образомъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Эвдемъ, я не могу сказать. Въ „Физикахъ“ же онъ пишетъ о Парменидѣ слѣдующее, изъ чего, можетъ быть, и возможно вывести вышесказанное: „Кажется, Пармениду не удастся доказать, что бытіе едино, даже если согласиться съ нимъ, что бытіе высказывается въ одномъ только смыслѣ, за исключеніемъ лишь высказываемой о каждой вещи ея сущности, какъ (понятіе) человѣкъ (высказывается) о людяхъ. И если дать о каждомъ (понятіи) въ отдѣльности отчетъ, то окажется, что понятіе бытія находится во всѣхъ (вещахъ) одно и то же подобно тому, какъ понятіе животнаго въ животныхъ. Точно такъ же, если бы всѣ существующія (вещи) были прекрасными и ничего нельзя было бы найти, что не было бы прекраснымъ, то, правда, все было бы прекрасно, однако, прекрасное было бы не единымъ, но множественнымъ, ибо прекраснымъ былъ бы и (цвѣтъ и занятіе и все, что угодно). Такимъ-то образомъ и сущимъ будетъ все, но (оно не будетъ) ни единымъ, ни однимъ и тѣмъ-же. Ибо иная (вещь) есть вода, иная же огонь. Итакъ, пожалуй, можно не удивляться тому, что Парменидъ увлекся незаслуживающими довѣрія рассужденіями и былъ введенъ въ за-

блужденіе такими (предметами), которые тогда еще не были ясны. Ибо тогда еще никто не говорилъ о многихъ значеніяхъ (бытія), но впервые Платонъ ввелъ два значенія (бытія), и (не были еще извѣстны категоріи:) субстанція и акциденція. Повидимому, это ввело Парменида въ заблужденіе. Указанныя (положенія) были имъ усмотрѣны на основаніи разсужденій и противорѣчій, и (*къ нимъ его привели*) умозаключенія. Ибо онъ не принималъ бы ихъ, если бы это не казалось ему необходимымъ. Прежніе же (*до него мыслители*) высказывали свои мнѣнія безъ логическихъ доказательствъ“.

29. *Азцій I 24, 1 (D. 320)* Парменидъ и Мелиссъ отрицали возникновеніе и гибель своимъ мнѣніемъ о всеобщей неподвижности.

30. *Аммоній interpr. p. 133, 16 Busse.* Ибо, во-первыхъ, какъ научилъ насъ Тимей и какъ высказывается самъ Аристотель въ своемъ ученіи о богѣ и ранѣ ихъ Парменидъ не только у Платона (*p. 137 A*), но и въ своихъ собственныхъ стихахъ, у боговъ нѣтъ вовсе ни прошлаго, ни будущаго, если только ни то, ни другое не существуетъ, (а именно, прошедшее) уже не существуетъ, (будущее) же еще не существуетъ, первое уже измѣнилось, второе же по самой своей природѣ измѣняется; а такого рода (свойства) никоимъ образомъ не могутъ соотвѣтствовать истинно сущему, не допускающему измѣненія даже въ мысли.

31. *Азцій I 7, 26 (D. 303)* Парменидъ: богъ—неподвиженъ, конеченъ и имѣетъ форму шара.

32.—*I 25, 3 (D. 321)* Парменидъ и Демокритъ: все существуетъ согласно необходимости. Судьба же, правда, провидѣніе и творецъ міра ¹⁾ тождественны.

33. *Климентъ protr. 5, 64.* Элеецъ же Парменидъ ввелъ въ качества боговъ огонь и землю.

34. *Плутархъ adv. Colot. 13 p. 1114 D.* Онъ же (Парменидъ) не отрицаетъ ни той, ни другой природы (т. е. ни умопостигаемаго міра, ни кажущагося), но, отдавая каждой изъ нихъ должное, сводитъ умопостигаемое (начало) къ идеѣ единого сущаго, давъ ему названіе сущаго, такъ какъ оно—вѣчно и неуничтожимо, и названіе единого вслѣдствіе того, что оно подобно самому себѣ и чуждо различія; чувственный же (міръ) онъ сводитъ къ беспорядочному движенію. Критерій, касающійся умопостигаемаго (міра), неизмѣнно находящагося въ одномъ и томъ же положеніи, можно усмотрѣть (въ слѣдующемъ стихѣ): „Недрожащее сердце хорошо закругленной истины“ (*B 1, 29*), (критерій же, касающійся чувственнаго міра, въ стихѣ): „Мнѣнія смертныхъ, въ коихъ не заключается надежной истины“, (*B 1, 30*) вслѣдствіе того, что они имѣютъ дѣло съ вещами, допускающими разнообразныя измѣненія, страданія и различія.

Симплицій phys. 39, 10. Итакъ, онъ называетъ это ученіе предположительнымъ и обманчивымъ не въ качествахъ просто ложнаго, но какъ

¹⁾ Теодоритъ прибавляетъ „и божество“, можетъ быть, изъ *Азція II 7, 1* (срв. *A 37*).

уклоняющееся от умопостигаемой истины въ являющийся и кажущійся чувственный (міръ).

Тамъ же р. 25, 15. Изъ считающихъ начала ограниченными нѣкоторые, какъ Парменидъ въ ученіи, относящемся къ мнѣнію, принимаютъ два начала: огонь и землю, или скорѣе свѣтъ и мракъ.

35. *Аристотель de gen. et corr. В 3. 330 b 13.* Тѣ, которые признають прямо два начала, какъ Парменидъ огонь и землю, считаютъ промежуточные (тѣла), какъ, на примѣръ, воздухъ и воду, смѣсью ихъ. *В 9. 336 a 3.* А именно, такъ какъ, по утверженію ихъ, теплое по природѣ своей разлагаетъ, холодное же соединяетъ, каждая изъ остальныхъ (вещей) имѣетъ первое своей творческой причиной, второе же матеріальной, поэтому-то, говорятъ они, изъ нихъ и черезъ нихъ все прочее возникаетъ и уничтожается. *Цицеронъ Ac. II, 37, 118* Парменидъ (принимаетъ) огонь въ качествѣ движущаго начала и землю въ качествѣ устрояемаго имъ (матеріала) (*изъ Теофраста Phys. opin.; срв. 18 A 23*).

36. *Аэцій II 1, 2 (D. 327)* Парменидъ, Мелиссъ... міръ единъ.

4, 11 (*D. 332*) Ксенофанъ, Парменидъ, Мелиссъ: міръ безначаленъ вѣченъ и неуничтожимъ.

37—II 7, 1 (*D. 335; срв. 18 B 12*) Парменидъ: Существуютъ вѣнцы, обвивающіеся одинъ вокругъ другого, (непосредственно) прилегающіе другъ къ другу. Одинъ (вѣнецъ)—изъ тонкаго (элемента), другой—изъ плотнаго, а между ними другіе (вѣнцы). смѣшанные изъ свѣта и тьмы. Всѣхъ ихъ окружаетъ твердь на подобіе стѣны, и подъ ней находится огненный вѣнецъ. И въ самомъ центрѣ всѣхъ (вѣнцовъ) находится твердь, и подъ ней тоже огненный (вѣнецъ). Самый же средній изъ смѣшанныхъ вѣнцовъ является для всѣхъ (остальныхъ) началомъ и причиной движенія и возникновенія, и его-то онъ называетъ богиней-правительницей, владѣющей (вселенной) по жребію (*держатель ключи, если текстъ исправить согласно В 1, 14*), Правдою и Необходимостью (*В 8, 30; 10, 6*). Воздухъ есть выдѣленіе земли, превратившееся въ паръ вслѣдствіе слишкомъ сильнаго сжатія ея. Солнце же и млечный кругъ (*срв. В 11, 2*)—отдушины, изъ которыхъ выходитъ огонь. Луна же есть смѣсь двухъ (веществъ): воздуха и огня. Выше всего лежитъ окружающій (все) эаиръ, подъ нимъ находится та огненная (масса), которую мы называемъ небомъ, и подъ нимъ уже расположено то, что окружаетъ землю.

Цицеронъ de nat. deor. 1 12, 28. Ибо, что касается Парменида, то у него находимъ) какую-то выдумку: онъ сочиняетъ подобіе вѣнка (называетъ его „вѣнцомъ“), опоясывающій небо непрерывно горящій кругъ изъ свѣта и его называетъ богомъ. Въ немъ невозможно предполагать ни божественнаго образа, ни ума. И много странныхъ вещей такого же рода (онъ высказываетъ), такъ какъ онъ дѣлаетъ божествомъ Войну, Раздоръ, Страсть (*В 13*) и прочее въ томъ же родѣ, что разрушается либо отъ болѣзни, либо отъ сна, либо вслѣдствіе забвенія, либо отъ старости. То же самое (онъ говоритъ) по поводу звѣздъ; мы уже высказали пори-

цаніе другому (мыслителю) за этотъ взглядъ и поэтому считаемъ возможнымъ опустить здѣсь (разборъ этого мнѣнія).

38 *Аэцій II 11, 4 (D. 340)* Парменидъ, Гераклитъ, Стратонъ, Зенонъ: небо изъ огня. *Срв. 11, 1.*

39. — *II 13, 8 (D. 342)* Парменидъ и Гераклитъ: свѣтила суть сгустки огня.

40 *Анонимный византійскій авторъ ed. Treu p. 52, 19.* Неподвижныхъ звѣздъ, вращающихся вмѣстѣ со вселенной, неизвѣстныхъ намъ безчисленное множество, какъ сказалъ физикъ Парменидъ; извѣстны же намъ неподвижныя звѣзды до шестой величины въ количествѣ тысячи, согласно Арату.

40a ¹⁾. *Аэцій II 15, 4 (D 345)* Парменидъ помѣщаетъ на первомъ мѣстѣ въ эфирѣ утреннюю звѣзду, которую онъ считаетъ тождественной съ вечерней звѣздой; за ней онъ помѣщаетъ солнце, а подъ нимъ звѣзды въ огненномъ (мѣстѣ), которое онъ называетъ небомъ (*B 10, 5*). *Диогенъ VIII 14 (Пифагоръ)* впервые сказалъ, что вечерняя и утренняя звѣзда одно и то же, какъ утверждаетъ Парменидъ ²⁾. *Срв. А 1 § 23.*

41. *Аэцій II 20, 8 (D. 349)* Парменидъ и Метродоръ: солнце—изъ огня.

42 — *II 25, 3 (D. 356)* Парменидъ (считаетъ) луну огненной. *26, 2 (D. 357)* Парменидъ: луна равна солнцу и отъ него у нея свѣтъ. *28, 5 (D 358)* Фалесъ первый сказалъ, что (луна) освѣщается солнцемъ. Пифагоръ, Парменидъ... (учатъ) подобнымъ же образомъ. *Срв. B 21.*

43. — *II 20, 8a (D. 349).* По мнѣнію Парменида, солнце и луна отдѣлились отъ млечнаго круга, первое—изъ болѣе тонкой, то-есть теплой, смѣси, вторая—изъ болѣе плотной, то-есть холодной, смѣси.

43a. — *III 1, 4 (D. 365. Млечный путь).* По мнѣнію Парменида, его похожій на молоко цвѣтъ порожденъ смѣсью плотнаго и тонкаго.

44. *Диогенъ VIII 48 (Пифагоръ).* Однако, впервые назвалъ небо космосомъ, а землю круглой ³⁾, согласно Теофрасту (*Phys. Opin. 17*), Парменидъ, согласно же Зенону Гезіодъ. *Срв. А 1. Аэцій III 15, 7 (D. 380)* Парменидъ, Демокритъ: Земля пребываетъ въ равновѣсїи вслѣдствіе равнаго разстоянія отовсюду, ибо нѣтъ причины, которая бы заставила ее скорѣе наклониться въ одну сторону, чѣмъ въ другую. Вслѣдствіе этого она можетъ лишь сотрясаться, но не двигаться.

¹⁾ Разногласіе между свидѣтельствами Аэція и Диогена, приводимыми въ 40а, зависитъ, по мнѣнію Г. Дильса, отъ того, что поэма Парменида въ древности ходила и подъ именемъ Пифагора.

²⁾ Выраженіе: „какъ утверждаетъ Парменидъ“, въ данномъ контекстѣ двусмысленно. Неясно, приписывается ли Пармениду свидѣтельство объ открытіи, сдѣланномъ Пифагоромъ, или говорится о тождествѣ взглядовъ Парменида и Пифагора. Въ послѣднемъ случаѣ точнѣе было бы: „какъ утверждаетъ и Парменидъ“.

³⁾ „Круглой“ здѣсь въ противоположность „плоской“, какъ видно изъ термина „στρογγύλη“, которымъ пользуется Диогенъ въ данномъ мѣстѣ.

Анатолій р. 30 Heib. Сверхъ того (*пифагорейцы*) говорили, что около центра четырехъ стихій (*элементовъ*) лежитъ нѣкій генадическій (*т. е. обладающій природой единицы*) огненный кубъ ¹⁾, центральное положеніе котораго было извѣстно и Гомеру, такъ какъ онъ объ этомъ говоритъ: „(удаленный) настолькоъ снизу отъ подземнаго царства, насколько небо отстоитъ отъ земли“ (*VIII 16*). Повидимому, въ этомъ слѣдовали пифагорейцамъ Эмпедокль и Парменидъ со своими приверженцами и почти наибольшая часть древнихъ мудрецовъ, утверждавшихъ, что монадическая природа, на подобіе Гестіи (*богини очага*), помѣщается въ центрѣ и вслѣдствіе равновѣсія сохраняетъ (всегда) одно и то же мѣсто-пробываніе.

44а. Ахиллъ Isag. 31. Впервые элеецъ Парменидъ положилъ начало ученію о зонахъ ²⁾.

45. Макробій S. Sc. 1 14, 20 Парменидъ: душа состоитъ изъ земли и огня *Аэцій IV° 3, 4 (D. 388)* Парменидъ и Гиппасъ (считаютъ душу) огненной. *5, 5 (D. 391)* Парменидъ: первенствующая часть души (находится) во всей груди. *5, 12 (D. 392)* Парменидъ, Эмпедокль и Демокритъ: душа и умъ одно и то же. По ихъ мнѣнію, не можетъ быть ни одного животнаго, которое было бы совершенно неразумнымъ.

46 Теофрастъ de sensu 1 слѣд. (D. 499). Объ ощущеніи есть много мнѣній, которыя образуютъ собой въ общемъ двѣ (основныхъ точки зрѣнія). А именно, одни (думаютъ, что ощущеніе) вызывается подобнымъ, другіе же — противоположнымъ. Парменидъ, Эмпедокль и Платонъ (полагаютъ, что ощущеніе вызывается) подобнымъ, Анаксагоръ же и Гераклитъ со своими послѣдователями (думаютъ, что оно порождается) противоположнымъ.

(3) И дѣйствительно, Парменидъ вообще не сказалъ ничего опредѣленнаго за исключеніемъ лишь того, что есть два элемента и познаніе зависитъ отъ преобладанія (того или другого изъ нихъ). А именно, образъ мыслей дѣлается инымъ въ зависимости отъ преобладанія теплаго или холоднаго; лучшимъ и болѣе чистымъ (онъ становится) подѣ влияніемъ теплаго. Однако, и въ послѣднемъ случаѣ нужна нѣкоторая симметрия. Онъ говоритъ (*цит. В 16*). Дѣло въ томъ, что ощущеніе и мышленіе для него тождественны. Поэтому-то и источникъ памяти и забвенія, по его мнѣнію, находится въ смѣси теплаго и холоднаго. Если же они смѣшаны равномѣрно, то будетъ ли мышленіе или нѣтъ, и какое (будетъ въ этомъ случаѣ) умственное состояніе, (этого вопроса) онъ еще вовсе не опредѣлилъ. А что тому, что само по себѣ противоположно (*теплому*), онъ

¹⁾ Центральный огонь пифагорейцевъ сравнивается здѣсь съ огненнымъ вѣнцомъ, находящимся въ серединѣ Парменидовскаго міра (см. А 37).

²⁾ Ахиллъ говоритъ здѣсь о земныхъ поясахъ, а не о небесныхъ.

также приписываетъ ощущеніе, это очевидно (изъ тѣхъ его словъ), въ которыхъ онъ говоритъ, что трупъ не ощущаетъ свѣта, тепла и звука вслѣдствіе исчезновенія (*въ немъ*) огня, холодъ же, тишину и (*вообще все*) противоположное (*вышеуказанному*) ощущаетъ. И вообще все, что существуетъ, обладаетъ нѣкотораго рода познаніемъ. Такимъ-то образомъ, повидимому, онъ самъ раздѣляется (простымъ) утвержденіемъ съ затрудненіями, которыя получаются вслѣдствіе (его) предположенія.

47. *Азій IV 9, 6 (D. 397 b 1)* Парменидъ, Эмпедокль, Анаксагоръ, Демокритъ, Эпикуръ, Гераклідъ: частныя ощущенія возникаютъ соотвѣтственно соразмѣрности поръ, причемъ каждому (ощущенію) соотвѣтствуетъ свой особый видъ воспринимаемыхъ (*объектовъ*).

48. -- (?) *IV 13, 9. 10 (D. 404)* Гиппархъ говоритъ, что отъ обоихъ глазъ простираются лучи, которые своими концами, какъ бы прикосновеніемъ рукъ, касаются поверхности внѣшнихъ тѣлъ и (такимъ образомъ) производятъ воспріятіе ихъ сообразно зрительной (*способности*). Нѣкоторые приписываютъ это мнѣніе также Пифагору, какъ (мыслителю), утвердившему математическое знаніе, и, сверхъ того, Пармениду, высказывающему это (мнѣніе) въ своихъ произведеніяхъ.

49. *Филодемъ Rhet fr. inc. 3, 7.* Согласно Пармениду и Мелиссу, говорящимъ объ единствѣ вселенной и вслѣдствіе этого (утверждающимъ), что ощущенія ложны. *Азій IV 9, 1 (D. 396, 12)*. Пифагоръ, Эмпедокль, Ксенофанъ, Парменидъ: ощущенія ложны.

50. *Азій IV 9, 14 (D. 398)* Парменидъ, Эмпедокль: желаніе возникаетъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія ¹⁾.

51. *Цензоринъ 4, 7. 8.* Эмпедокль... утверждаетъ нѣчто въ слѣдующемъ родѣ. Сперва изъ земли, бывшей какъ бы беременной, въ разныхъ мѣстахъ возникли отдѣльные члены, затѣмъ они соединились и образовали тѣло настоящаго человѣка, представляющее собой смѣсь огня и влаги. Точно такое же мнѣніе, за исключеніемъ незначительныхъ уклоненій, находимъ и у Парменида изъ Веліи. *Срв. Азій V 19, 5 (21 A 72)*.

52. *Аристотель de part. anim. B 2. 648a 25.* А именно, нѣкоторые утверждаютъ, что водяныя животныя теплѣе (животныхъ), живущихъ на сушѣ. Они говорятъ, что теплота природы водяныхъ животныхъ уравниваетъ холодность мѣста (ихъ пребыванія). И безкровныя (животныя, по ихъ мнѣнію, теплѣе животныхъ), имѣющихъ кровь, и самки (теплѣе) самцовъ. Такъ, Парменидъ и нѣкоторые другіе говорятъ, что женщины теплѣе мужчинъ, полагая, что менструаціи происходятъ вслѣдствіе теплоты и обилія крови, Эмпедокль же (даетъ) противоположное (этому ученіе).

53. *Азій V 7, 2 (D. 419 послѣ 21 A 81)* Парменидъ (учить) противоположнымъ образомъ (*чѣмъ Эмпедокль*): Сѣверныя страны породили самцовъ (ибо онъ въ большей степени причастны плотному началу),

¹⁾ „Потребность въ пищѣ была первой причиной нашихъ желаній“ (Riaux, цит. соч., стр. 98).

южныя же страны произвели самокъ вслѣдствіе (своей) разрѣженности. 7, 4 (D. 420) Анаксагоръ, Парменидъ: (*при зарожденіи самцовъ*) сѣмя съ правой стороны сбрасывается въ правую часть матки и сѣмя съ лѣвой стороны въ лѣвую (часть) матки. Если же произойдетъ скрещеніе частей при изверженіи (сѣмени), то рождаются самки. *Срв. Аристотель de gen. anim. A 1. 763 b 30 (46 A 107). Цензоринъ 5, 2* Итакъ, учителямъ мудрости неизвѣстно, откуда изливается сѣмя. Ибо Парменидъ былъ того мнѣнія, что оно появляется то справа, то слѣва. *Срв. 14 A 13.*

54. *Азій V 11, 2 (D. 422)* По мнѣнію Парменида, рождаются дѣти, похожіе на отцовъ, въ томъ случаѣ, если плодъ отдѣлился отъ правой части матки; и похожіе на матерей, если онъ отдѣлился отъ лѣвой части. *Цензоринъ 6, 8* Впрочемъ, мнѣніе Парменида таково: когда сѣмя вышло изъ правой части, тогда сыновья похожи на отца, когда изъ лѣвой, то на мать. 6, 5 Съ другой стороны, Парменидъ учитъ, что между женщинами и (ихъ) мужьями происходитъ состязаніе и чья сторона одержитъ верхъ, того свойства воспроизводятся (*въ ребенкѣ*). *Срв. Лактанцій de orif. 12, 12* Думаютъ также, что неодинаковыя (*физическія и душевныя*) свойства образуются слѣдующимъ образомъ: если какъ-нибудь сѣмя мужского рода попадетъ въ лѣвую часть матерняго чрева, то, думаютъ, хотя рождается мужской полъ, но, такъ какъ онъ былъ зачатъ въ женской части, онъ имѣетъ въ себѣ нѣчто женскаго въ большей степени, чѣмъ это допускаетъ мужская красота: либо особенную наружность, либо чрезмѣрную бѣлизну, либо гладкое тѣло, либо нѣжные члены, либо короткій ростъ, либо тонкій голосъ, либо робкую душу, либо нѣсколько изъ перечисленныхъ (свойствъ). Равнымъ образомъ если сѣмя женскаго рода вольется въ правую часть, то, хотя рождается женщина, но такъ какъ она была зачата въ мужской части, она имѣетъ въ себѣ нѣчто свойственнаго мужчинѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ это допускаетъ законъ пола: или сильные члены, или чрезмѣрную длину, или смуглый цвѣтъ, или шершавое лицо. или непристойныя черты лица, или грубый голосъ, или дерзкую душу, или нѣсколько изъ указанныхъ свойствъ (*срв. B 18*).

В. Фрагменты.

«О природѣ» Парменида.

1. *Секстъ VII 111 слѣд.* Пріятель же его (*Ксенофана*) Парменидъ заподозрилъ (истинность) предположительнаго ученія, то-есть (ученія), заключающагося въ безсильныхъ мнѣніяхъ, въ основу же положилъ научный, то-есть непогрѣшимый, критерій, причемъ онъ отказался также отъ довѣрія къ ощущеніямъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ своего сочиненія: „О

природѣ“ онъ пишетъ слѣдующимъ образомъ (*цит. ниже приводимые ст. 1—30. 33—38*). Далѣе въ §§ 112—114 слѣдуетъ ихъ объясненіе: А именно, въ приведенныхъ (*стихахъ*) Парменидъ подѣ несущими его конями разумѣетъ неразумныя стремленія и желанія души (1), путешествіемъ же по весьма извѣстной дорогѣ божества онъ называетъ умозрѣніе соотвѣтственно любящему мудрость разуму, который на подобіе божества-проводника указываетъ путь къ познанію всего (2. 3); дѣвами, идущими впереди его, (онъ называетъ) ощущенія (5), изъ которыхъ онъ намекаетъ на слухъ въ словахъ: „ибо движеніе ея ускорялось двумя искусно обточенными кругами“ (7. 8), то-есть кругами ушей, посредствомъ коихъ воспринимаютъ звукъ; органы-же зрѣнія онъ наименовалъ дѣвами Геліадами (9), покинувшими чертоги Ночи (9) „бросившимися къ свѣту“ (10) вслѣдствіе того, что безъ свѣта не бываетъ ихъ употребленія. Прибытіе же къ „строгой карательницѣ“ Правдѣ, обладающей „мнѣняющимися ключами“, (14) означаетъ размышленіе, владѣющее прочнымъ постиженіемъ вещей. Принявшая его (*богиня*) возвѣщаетъ, что она откроетъ (ему) двѣ слѣдующія (вещи): „И недрожачее сердце легко убѣждающей (всѣхъ) истины“ (29), то-есть неподвижное сѣдалище науки, и, во-вторыхъ: „Мнѣнія смертныхъ, въ коихъ не заключается подлинной достовѣрности“ (30), то-есть все непрочное, лежащее во мнѣніи. И въ концѣ онъ еще яснѣе говоритъ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на ощущенія, но (*только*) на разумъ (33—36). А именно, онъ говоритъ... (*цит. стихи 34—37*). Но онъ и самъ, какъ очевидно изъ вышесказаннаго, вышелъ изъ-подъ контроля ощущеній, провозгласивъ научный разумъ нормою истины въ сущемъ.

Симплицій сасл. 557, 20. А тѣ (*извѣстные*) мужи признали два естества: одно—умопостигаемаго истинно сущаго, другое—рождающагося чувственнаго, которое, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ называть просто сущимъ, но мнимо существующимъ. Поэтому-то они говорятъ, что о сущемъ есть истина, о рождающемся же (*только*) мнѣніе. По крайней мѣрѣ, Парменидъ говорить... (*цит. ст. 28—32*).

„Кобылицы, которыя (*обычно*) несутъ меня, поскольку простирается мое желаніе¹⁾, (*на этотъ разъ*) увлекали (*меня помимо моей воли*), такъ какъ онѣ вступили со мной на весьма извѣстную дорогу богини, которая повсюду²⁾ ведетъ знающаго мужа. По этой-

¹⁾ Если согласиться съ Г. Штейномъ и Гегелемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о желаніи кобылицъ, то устраняется противоположеніе описываемой повѣдки обычнымъ.

²⁾ Лучшая рукописная традиція „κατὰ πάντ' ἄστυ“—„по всѣмъ городамъ“. „Которая“ грамматически можетъ быть отнесено и къ дорогѣ и къ богинѣ. П. Дейссенъ, читая ἀστυ вмѣсто ἄστυ, переводитъ: „Путь богини, которая затѣмъ сама дальше ведетъ повсюду понимающаго ее мужа“. Г. Германнъ, читающій также ἀστυ, переводитъ: „когорая, одна и та же, ведетъ любого мудреца“. Дильсъ изъ всѣхъ приводимыхъ имъ 13 конъектуръ этого мѣста отдаетъ предпочтеніе поправкѣ Г. Германна, но считаетъ необходимымъ измѣнить

то дорогѣ я мчался. Дѣло въ томъ (*повторяю*), что по ней несли меня многоумныя ¹⁾ кобылицы, дѣвы же указывали (*имѣ*) путь ²⁾).

Ось, накаляясь въ ступицѣ, испускала шипящій звукъ свирѣли (ибо движеніе ея ускорялось двумя искусно обточенными ³⁾ кругами съ обѣихъ сторонъ), такъ какъ къ свѣту торопились дѣвы Солнца, покинувъ чертоги Ночи и сбросивъ руками покрывала со (своихъ) головъ.

Тамъ (*находятся*) ворота, которыми раздѣляются пути Ночи и Дня. Притолока и каменный порогъ окружаютъ (*ихъ сверху и снизу*). Самыя же ворота—изъ ээира ⁴⁾ и замыкаются огромными створками. Мѣняющимися ⁵⁾ ключами отъ нихъ владѣетъ строгая карательница Правда ⁶⁾).

Къ ней-то съ нѣжными ⁷⁾ словами обратились дѣвы и мудрой рѣчью ⁸⁾ упросили ее немедленно столкнуть для нихъ желѣзный засовъ съ воротъ. Ворота же (*раскрывшись*) образовали громадное отверстіе (на мѣстѣ) створокъ, (причемъ отворяясь) они заставили мѣдные стержни, прикрѣпленные гвоздями и шпильками, по очереди повернуться въ гнѣздахъ. Сюда-то по широкой ⁹⁾ дорогѣ прямо черезъ ворота направили дѣвы колесницу и лошадей.

И богиня ¹⁰⁾ меня благосклонно приняла, взяла (*своей*) рукой (*мою*) правую руку и обратилась ко мнѣ со слѣдующей рѣчью: „Юноша, оберегаемый безсмертными возницами, ты, являющійся въ нашъ домъ на несущихъ тебя кобылицахъ, радуйся! Дѣло въ

смыслъ ея такъ: „божественный путь, который одинъ только повсюду ведетъ знающаго мужа“. Намъ кажется удачной конъектура Карстена „*κατὰ πάντ' ἀδαῆ*“: „котор. вводитъ во всѣ тайны“.

¹⁾ „Обученныя“ П. Таннери.

²⁾ Нѣсколько иначе понимаетъ начало поэмы U. v. Wilamowitz-Möllendorff (Hermes, 34 Bd., II Heft, 1899): Лошади всегда везутъ поэта, повинуюсь его желанію. Хорошо имѣть такихъ лошадей! И на этотъ разъ онѣ везутъ его къ богинѣ по его желанію. Смыслъ: такъ далеко заѣхать по пути къ истинѣ позволило ему не только откровеніе, но и сила собственной души. Правда, безъ помощи дѣвъ онъ не нашелъ бы дороги къ истинѣ.

³⁾ „Вертящимися“ Г. Дильсъ.

⁴⁾ „Сверкающія“ В. Нестле.

⁵⁾ То отпирющими, то запирающими.

⁶⁾ Въ утвержденіи, что Правда хранитъ ключи къ истинѣ, П. Дейссенъ видитъ указаніе на то, что только черезъ справедливость (нравственную жизнь) лежитъ путь къ истинѣ.

⁷⁾ Лъстивыми“ Г. Дильсъ.

⁸⁾ „Искусно“ Дж. Бернетъ.

⁹⁾ „По наѣзженной дорогѣ“ Г. Церетели.

¹⁰⁾ Эту богиню Г. Дильсъ отличаетъ отъ богини, правительницы вселенной; О. Гильбертъ, напротивъ, высказывается за тожество ихъ.

томъ, что не злой рокъ руководилъ твоей поѣздкой по этой дорогѣ ¹⁾ (ибо, въ самомъ дѣлѣ, далека она отъ стези людей), но законъ и правда. Должно тебѣ все узнать: и недрожащее сердце хорошо закругленной Истины, и мнѣнія смертныхъ, въ коихъ не заключается подлинной достовѣрности. Но, во всякомъ случаѣ, узнаешь ты и то, въ какомъ видѣ должны предстать кажущіяся явленія при всестороннемъ проведеніи единой гипотезы ²⁾.

Однако, отъ этого пути изслѣдованія удерживай (свою) мысль, и пусть не толкаетъ тебя насильно на этотъ путь привычка, (*являющаяся результатомъ*) продолжительнаго опыта. Не вращай безцѣльно глазами, не слушай ушами, въ которыхъ раздается (*только*) шумъ, и не болтай (*праздно*) языкомъ, но разумомъ изслѣдуй высказанное мною доказательство ³⁾. Остается лишь отважиться (*вступить на новый*) путь“...

¹⁾ Пути введенія М. Мандесъ отличаетъ отъ путей самой поэмы. Первые олицетворяютъ методы въ собственномъ смыслѣ, вторые суть указатели отправныхъ точекъ изслѣдованія. Три пути введенія: 1) путь чувствъ, 2) путь слова и 3) путь разума. Три пути поэмы: 1) бытіе есть, небытія нѣтъ, 2) бытіе есть и небытіе есть, 3) бытіе и небытіе тождественны.

²⁾ Последняя фраза истолковывается весьма различно. У. Вилиямовицъ—Меллендорфъ (цит. соч., стр. 204—205) понимаетъ ее, какъ указаніе на то, что рядомъ съ истинной есть последовательная, замкнутая въ себѣ гипотеза, въ которой каждое положеніе доказывается всей системой, причемъ этой гипотезѣ принадлежитъ въ нѣкоторомъ родѣ реальность. М. Мандесъ (цит. соч., стр. 118), соединяя пониманія Вилиямовица и Лорцинга, предлагаетъ такое толкованіе: Ты узнаешь, каковы кажущіяся явленія будутъ въ томъ случаѣ, если мы заставимъ ихъ войти въ одну систему, въ которой одно основно, конечно, ошибочное предположеніе, будетъ проходить „насквозь“ черезъ все. Мы примыкаемъ къ толкованію М. Мандеса. К. Lincke (*Zu Parmenides tēri phōsōs* въ *Philologus*, 65 Bd., 1906 стр. 473) переводитъ: „Ты узнаешь также, что видимость должна быть чѣмъ то (такимъ), что проникаетъ вообще каждую вещь“. А. Patin (*Parmenides im Kampfe gegen Hegaklit* 1899 стр. 504): „Ты узнаешь также, какъ видимость, последовательно проникая все, должна проходить черезъ цѣлое“. По мнѣнію Патина, Парменидъ здѣсь говоритъ о необходимости кажущагося міра: такъ *кажется*, такъ *должно казаться*, такъ какъ это правильная видимость въ противоположность противорѣчивой ложной видимости. П. Дейссенъ переводитъ: „Все же ты долженъ ознакомиться и съ этимъ; вѣдь кто хочетъ изслѣдовать все во всемъ, тотъ долженъ познавать кажущееся кажущимся образомъ“. J. Bidez (цит. соч., стр. 204): „Ты узнаешь въ совершенствѣ также эти мнѣнія, ибо должно изслѣдовать, какъ слѣдуетъ, кажущееся, проникая во все детали каждой вещи“. По мнѣнію Биде, Парменидъ здѣсь приписываетъ себѣ всезнаніе. Rioux (и. с., стр. 84): „И ты узнаешь, какимъ образомъ, проникая во все, ты долженъ будешь разсудительно судить о всемъ“. Г. Дильсъ: „Но, несмотря на это, узнаешь ты и то, какъ при всестороннемъ изслѣдованіи надлежало бы принять, что такое представляетъ собой та мнимая сущность“. Штейнъ: „Однако, ты научишься также тому, какое надлежашее рѣшеніе относительно чистыхъ предположеній долженъ принять желающій основательно все изслѣдовать“.

³⁾ По мнѣнію В. Нестле и П. Дейссена, языкъ здѣсь приводится, какъ органъ вкуса. В. Нестле понимаетъ фразу, какъ требованіе не довѣрять „блуждающему взору, шуму ушей и вкусу“: вопросъ долженъ быть рѣшенъ чистымъ разумомъ безъ участія

Стихи 22—32 въ пер. кн. С. Трубецкого:

Богиня меня приняла благосклонно и, взявши десницу,
Такъ обратилась ко мнѣ и рѣчь мнѣ такую держала:
Радуйся, юноша! Ты, сопричтенный къ безсмертнымъ возницамъ,
Ты, что несомый конями, приблизился къ нашему дому,
Здравствуй! Не злая судьба сей путь тебѣ указала
(Ибо далека э тотъ путь отъ путей остальныхъ человѣковъ),
Судь и Правда вели тебя. Все тебѣ должно увѣдать:
Истины твердое сердце въ кругѣ ея совершенномъ
И мнѣніе смертныхъ людей, въ которомъ нѣтъ истинной правды.
Но и его совершенно познай, т. е. мнѣнье, какъ ложное мнѣнье,
Должно тебѣ вполне испытать, изслѣдуя все всесторонне.

Стихи 1—38 въ пер. Г. Церетели:

Кони, что несутъ меня вдалеку согласно моему желанію, мчались не-
удержимо, лишь только вынесли меня на многославный путь богини,
тотъ путь, который одинъ только ведетъ повсюду мудраго мужа.

По этому пути несся я, ибо по нему мчали меня многоумные кони,
какая колесницу, а дѣвы указывали мнѣ дорогу.

Ось нагрѣвалась въ ступицѣ и издавала звуки свирѣли, ибо съ
обѣихъ сторонъ подгоняли ее два подвижныхъ круга, а дѣвы Гелиады,
оставивъ чертоги Ночи, торопили бѣгъ колесницы къ свѣту, откинувъ
съ головы рукой покрывало.

Вотъ предо мною вздымаются ворота, черезъ которыя пролегаютъ
пути Дня и Ночи, ворота съ высокой притолокой, съ каменнымъ поро-
гомъ; высоко въ эфиръ уходятъ они, замыкаясь громадными створками,
а ключи отъ нихъ хранить у себя неумолимая Дике.

Съ нѣжною рѣчью обратились къ ней дѣвы и разумнымъ словомъ
убѣдили ее снять для нихъ, не медля, окованный желѣзомъ засовъ, за-
мыкающій ворота. И вотъ, раскрывъ зіяющее жерло, распахнулись двери,
повернувъ въ гнѣздахъ одинъ за другимъ обитые мѣдью стержни, что
держались при помощи гвоздей и шпильковъ.

Прямо черезъ ворота по наѣзженной дорогѣ направили дѣвы мою
колесницу и коней.

Милостиво приняла меня богиня, своей десницей коснулась она
моей правой руки и съ такимъ словомъ обратилась ко мнѣ: „Юноша,
дружный съ безсмертными проводниками, привѣтъ тебѣ, достигшему на-
шихъ чертоговъ, куда примчали тебя быстрые кони. Вѣдь не злой рокъ
руководилъ тобою по этой дорогѣ, ибо далеко видъ людской тропы про-
легаеть она, но право и справедливость. Поэтому долженъ познать ты и
безтрепетное сердце совершенной Истины и чуждыя безусловной досто-
вѣрности мнѣнія смертныхъ.

чувствъ. Смыслъ стиховъ по М. Мандесу: Не руководись плохо попадающимъ въ цѣль
окомъ, полнымъ своего (мѣшающаго слышать) звука ухомъ, не руководись также язы-
комъ, т. е. не рѣшай вопроса словомъ. Остается еще одинъ путь, и онъ будетъ пра-
вильный. Это—путь разума.

И тѣмъ не менѣе ты познаешь ихъ и (поймешь), какъ должно про-
вѣрять эти (мнѣнія), изслѣдуя ихъ одно за другимъ.

Но въ сторонѣ отъ подобныхъ изысканій держи ты свои мысли и
да не увлекаетъ тебя противъ твоего желанія на этотъ путь слѣпая
привычка, давая волю твоимъ безцѣльно глядящимъ очамъ, твоему при-
тупленному слуху и языку,—нѣтъ, съ помощью разума обсуди ты пред-
ложенный мною спорный вопросъ. Остается еще одинъ одухотворен-
ный путь.

2. *Климентъ Strom.* 5, 15 (*послѣ Эмпедокла, см. 21 В 17, 21*)
Но и Парменидъ въ своемъ произведеніи говоритъ о надеждѣ въ формѣ
загадки слѣдующее (*цит. ниже приводимые стихи*), такъ какъ и тотъ,
кто надѣется, подобно вѣрующему, видитъ умомъ умопостигаемое и бу-
дущее. Итакъ, если мы утверждаемъ, что есть нѣчто справедливое, а
также прекрасное, то и истиной мы называемъ нѣчто (*существующее*).
Но никогда ничего подобнаго мы не видѣли глазами, но только однимъ
умомъ.

„Однако, смотри, какъ отсутствующее прочно находится¹⁾ въ
(*твоемъ*) умѣ²⁾. И дѣйствительно, (*въ мысли невозможно*) выпол-
нить такого раздѣленія, чтобы бытіе не соприкасалось (*непосред-*
ственно) съ бытіемъ. (*Это неосуществимо*) ни такимъ образомъ,
чтобы (*бытіе*) по своему строенію разсѣялось совершенно повсюду,
ни такимъ образомъ, чтобы оно собралось (*сгустилось*)“³⁾.

То же въ пер. Г. Церетели:

„Взирай безъ колебанія умственными очами на то, чего нѣтъ
передъ ними, какъ на то, что есть, ибо нельзя выдѣлить изъ бытія
бытіе, которое согласно міровому порядку не можетъ не разойтись
совершенно, ни соединиться“.

3. *Проклъ in Parm. I p. 708, 16 (послѣ В 8, 25):*

„Для меня безразлично, откуда бы ни начать, ибо я снова
вернусь къ исходному пункту“⁴⁾.

Примѣчаніе. Г. Дильсъ и В. Нестле понимаютъ данный фрагментъ,
какъ повторное указаніе на непрерывность бытія, чуждаго какихъ бы то
ни было перерывовъ пустотой. Иначе понимаютъ смыслъ фрагмента
Г. Церетели и П. Дейссенъ, которые видятъ здѣсь указаніе на постоян-
ныя повторенія у Парменида (для богини „безразлично, откуда ни на-
чать свою рѣчь“, такъ какъ она снова вернется къ тому, съ чего начала).

---

¹⁾ „Далекое близко“ В. Нестле.

²⁾ „Настойчиво созерцай эти вещи, которыя присутствуютъ въ умѣ, хотя ихъ нѣтъ
(для чувствъ)“ Рио.

³⁾ Г. Дильсъ видитъ здѣсь полемику, направленную противъ Гераклита 12 В 91.
Однако, опровергаемая здѣсь теорія разрѣженія и сгущенія восходитъ къ Анаксимену.

⁴⁾ Срв. Гераклитъ 12 В 103.

4. *Прокль in Tim. t. I 345, 18 Diehl послъ В 1, 30 цитуетъ ниже приводимые стихи Парменида.*

Симплицій Phys. 116, 25 Если же кто-нибудь желаетъ выслушать самого Парменида, высказывающаго эти положенія, одно (изъ которыхъ) гласить, что то, что сверхъ бытія, то не существуетъ и есть ничто, каковая мысль равносильна утвержденію, что бытіе высказывается въ одномъ только значеніи, тотъ найдетъ (это) въ слѣдующихъ извѣстныхъ стихахъ:

„Итакъ, если угодно, я скажу (ты же внимательно выслушай мою рѣчь), какіе пути изслѣдованія единственно мыслимы. Первый (*путь изслѣдованія заключается въ томъ*), что (*бытіе*) есть и не можетъ не существовать ¹⁾. Это—путь (*богини*) Убѣжденія, ибо онъ слѣдуетъ за Истиной. Другой путь: есть небытіе и (*это*) небытіе необходимо существуетъ ²⁾. Послѣдній путь (*объявляю я тебѣ*) совершенно непригоденъ для познанія. Ибо небытія невозможно ни познать (въдъ оно непостижимо), ни высказать“.

5. *Климентъ Strom. VI 23* Аристофанъ сказалъ: „Мышленіе равносильно дѣланію“, и раньше его элеецъ Парменидъ сказалъ: „въдъ мышленіе и бытіе одно и то же“.

Плотинъ Энн. V 1, 8 Итакъ, къ такого рода мяѣнью раньше приходилъ Парменидъ, поскольку онъ бытіе и мысль свелъ къ одному и тому же и бытіе полагалъ не въ чувственномъ мірѣ. А именно, говоря: „въдъ мышленіе и бытіе одно и то же“, онъ считаетъ бытіе неподвижнымъ и, хотя приписываетъ ему мышленіе, (однако) отрицаетъ у него всякое тѣлесное движеніе.

„Вѣдъ мышленіе и бытіе одно и то же“ (*Стихъ примыкаетъ къ В 4*). *Тотъ же стихъ въ пер. кн. С. Трубецкого*: „Одно и то же есть мысль и то, о чемъ она мыслить“. *Въ пер. Г. Церетели*: „Мыслить и быть одно и то же“. *Въ пер. Г. Дильса*: „Ибо мыслить (*сущее*) и существовать одно и то же. *Въ пер. Дж. Бернета*: „Ибо одно и то же то, что можетъ мыслиться, и то, что можетъ быть“.

6. *Симплицій phys. 117, 2 (послъ В 4)* А что противорѣчіе не соотвѣтствуетъ истинѣ, (*это*) онъ говоритъ въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ порицаетъ сводящихъ противоположности къ тождеству. А именно, сказавъ: „Ибо бытіе есть, небытія же нѣтъ... Я повелѣваю тебѣ обдумать это. А именно, я предостерегаю тебя отъ этого пути изслѣдованія“, онъ прибавляетъ... (*цит. ниже приводимые стихи 4—9*) 78, 2 И дѣйствительно, высказавъ порицаніе тѣмъ, которые соединяютъ бытіе и небытіе въ умопостигаемомъ мірѣ (*цит. В 6, 8. 9*) и отказавшись отъ пути исканія небытія (*цит. В 7, 2*), онъ прибавляетъ (*цит. В 8, 1 слѣд.*).

¹⁾ „Бытіе есть, а небытія нѣтъ“ П. Таннери и Г. Церетели.

²⁾ „Бытія нѣтъ, а небытіе должно быть“ П. Таннери и Г. Церетели.

Должно говорить и мыслить, что (*только*) бытіе существуетъ. Ибо бытіе есть, небытія же нѣтъ¹⁾. Я повелѣваю тебѣ (*хорошенько*) обдумать это. А именно, я предостерегаю тебя прежде всего отъ (*выше*) указаннаго пути изслѣдованія. А затѣмъ (*совѣтую тебѣ также беречься и*) того (*пути изслѣдованія*)²⁾, который измышляютъ ничего не знающіе смертные о двухъ головахъ. Ибо безпомощность управляетъ въ груди ихъ блуждающимъ умомъ³⁾. Они же шатаются глухіе и вмѣстѣ слѣпые, (*точно*) ошеломленные (*чѣмъ-то*), пустоголовое племя, у котораго бытіе и небытіе признаются тождественными и не тождественными и для котораго во всемъ имѣется обратный путь“.

7. Платонъ *Soph.* 237 А Парменидъ же Великій, о юноша, въ дни нашей юности отъ начала и до конца защищалъ этотъ (взглядъ), высказываясь всегда такимъ образомъ и въ прозѣ⁴⁾ и въ стихахъ. Онъ говоритъ (*цит. ниже приводимые стихи*).

Аристотель Metaph. N 2. 1089 а 2 И въ самомъ дѣлѣ, ихъ мнѣніемъ было, что все сущее придется признать единымъ, (а именно) самимъ бытіемъ, если никто не выступитъ противъ ученія Парменида (*цит. ниже приводимые стихи*) и не опровергнетъ его, но необходимо доказать, что небытіе существуетъ.

„Ибо никогда не можетъ быть доказано, что несуществующее существуетъ. Но ты оберегай свою мысль отъ этого пути изслѣдованія“ (*Можетъ быть, эти стихи примыкали къ В 6*).

8. *Симплицій phys.* 144, 29 (*послѣ 18 А 21*) Послѣ того какъ отвергнуто небытіе, положеніе вещей представляется въ слѣдующемъ видѣ (*цит. ниже приводимые стихи 1—52*). Онъ же 78, 5 (*послѣ В 7, 2*) (Парменидъ) прибавляетъ (*цит. стихи 1—3*) и излагаетъ признаки истинно сущаго (*цит. ст. 3—14*). Высказывая именно это объ истинно сущемъ, онъ ясно доказываетъ, что это бытіе не возникло. Ибо оно не (произошло) изъ бытія, такъ какъ раньше (его) не было другого бытія. Не (возникло оно) также изъ небытія, ибо небытія нѣтъ. Да и вслѣдствіе чего ему было возникнуть какъ разъ въ то именно время, а не раньше или позже? Но не (*могло также оно возникнуть*) и изъ того, что отчасти существуетъ, отчасти же не существуетъ, подобно тому какъ возникаетъ (*все*) рожденное (*неоплатоновское представленіе*). Ибо то, что отчасти существуетъ, отчасти же не существуетъ, не можетъ су-

¹⁾ „Ибо только существованіе (бытія) возможно, существованіе же небытія невозможно“ (Г. Дильсъ). „Необходимо должно существовать то, что можетъ мыслиться и высказываться. Ибо возможно существовать ему, и невозможно существовать тому, что есть ничто“ (Дж. Бернетъ).

²⁾ Имѣются въ виду приверженцы Гераклита.

³⁾ Передъ поэтомъ носится образъ корабля въ морѣ, управляемаго неопытнымъ кормчимъ.

⁴⁾ Въ устныхъ бесѣдахъ.

ществовать раньше истинно сущаго, но возникло послѣ него. *Климентъ Strom. V 113* Парменидъ же... какъ-то слѣдующимъ образомъ пишетъ о богѣ (*цит. ст. 3—4*). *Платонъ Theaet. 180 D* Другіе же, со своей стороны, высказали противоположное этому (*цит. ст. 38*), и все остальное, что утверждаютъ Мелиссы и Пармениды, оспаривая все это. *Къ ст. 39 срв Мелисса 20 В 8* Ибо если существуетъ земля и вода... и все прочее, существованіе чего люди считаютъ истиннымъ. *Къ ст. 42 Симплицій phys. 147, 13* Если, въ самомъ дѣлѣ, единое есть „все, взятое въ своей совокупности“ (5) и есть „послѣдняя граница“. *Къ ст. 43—45 Платонъ Soph. 244 E* Итакъ, если вселенная, какъ и Парменидъ говорить, есть... (*цит. ст. 43—45*), то, будучи именно таковымъ, бытіе имѣетъ середину и концы. *Эвдемъ у Симплиція phys. 143, 4* Такимъ образомъ то, что говорится у него, и къ небу не подходитъ, какъ думали, согласно сообщенію Эвдема, нѣкоторые, выслушавъ его стихъ (43). Ибо небо нельзя (считать) ни недѣлимымъ, ни подобнымъ шару, но оно есть самый точный изъ встрѣчающихся въ природѣ шаровъ. *Къ ст. 44 Аристотель phys. Г 6. 207 a 15* Должно считать, что Парменидъ сказалъ лучше Мелисса. А именно, послѣдній называетъ безпредѣльное цѣлымъ, первый же говоритъ, что цѣлое ограничено, будучи „равноотстоящимъ отъ центра“. *Къ ст. 50—61 Симплицій phys. 38, 28* А именно, закончивъ ученіе объ умопостигаемомъ (*міръ*), Парменидъ прибавляетъ слѣдующее (*цит. ст. 50—61*). *Къ ст. 50—59 Симплицій phys. 30, 13* Парменидъ, сдѣлавъ въ слѣдующихъ словахъ (*цит. ст. 50—52*) переходъ отъ умопостигаемаго (*міра*) къ чувственному. или, какъ онъ самъ выражается, отъ истины къ мнѣнію, тоже призналъ начала рожденныхъ (*вещей*) принадлежащими къ стихіямъ (*элементамъ*) и построилъ (изъ нихъ) первую противоположность, которую онъ называетъ свѣтомъ и мракомъ, или огнемъ и землею. или плотнымъ и тонкимъ, или тождественнымъ (*себѣ*) и различнымъ; а именно, вслѣдъ за вышеприведенными стихами онъ говоритъ (*цит. ст. 53—59*) *Къ ст. 52 Симплицій phys. 147, 28* Строй стиховъ, посвященный мнѣніямъ смертныхъ, онъ называетъ обманчивымъ. *Къ ст. 53—59 Симплицій phys. 179, 31* Ибо онъ въ стихахъ, относящихся къ мнѣнію, „дѣлаетъ началами теплое и холодное; ихъ онъ называетъ огнемъ и землей“ (*цит. Аристотель*), а также свѣтомъ и ночью, или мракомъ. И дѣйствительно, вслѣдъ за ученіемъ объ истинѣ онъ говоритъ (*цит. ст. 53—59*). *Согласно Симплицію, весь ниже приводимый отрывокъ примыкаетъ къ В 7.*

„Остается еще только сказать о пути (*изслѣдованія, признающемъ*), что (*только бытіе*) есть. На этомъ пути находится весьма много признаковъ ¹⁾, указывающихъ, что сущее не возникло и не подвержено гибели, что оно закончено въ себѣ, однородно, неподвижно и не имѣетъ конца ²⁾. Оно никогда не существовало и не

¹⁾ „Доказательствъ“ П. Таннери.

²⁾ „Конца“ во временномъ смыслѣ.

будетъ существовать, такъ какъ оно (*всегда*) находится въ настоящемъ цѣликомъ во всей своей совокупности, единое и непрерывное ¹⁾. Ибо какое начало станешь искать для него? Какъ и откуда ему вырасти? ²⁾ *** Я не позволю тебѣ ни говорить, ни мыслить, чтобы (*оно могло возникнуть*) изъ небытія. Ибо несуществованіе бытія невыразимо (*въ словахъ*) и непредставимо въ мысли. Да и какая нужда могла бы его заставитьъ раньше или позже родиться, если вначалѣ оно было ничѣмъ (*его вовсе не было*)? ³⁾ Такимъ образомъ оно должно или подлинно существовать или вовсе не существовать ⁴⁾.

Равнымъ образомъ (*логическая*) сила доказательства никогда не позволить (*признать*), чтобы изъ небытія возникало что-нибудь иное по сравненію съ нимъ самимъ ⁵⁾. Поэтому Правда не выпустила изъ своихъ оковъ рожденія и смерти, но (*крѣпко*) держитъ ихъ ⁶⁾. Рѣшеніе же нашего вопроса сводится къ слѣдующей (*альтернативѣ*): бытіе или небытіе? Но, разумѣется, (*нами уже*) рѣшено, какъ (*диктуется*) необходимость, оставить путь (*ислѣдованія*) немислимый и невыразимый (ибо это—не истинный путь) и (*вступить*) на другой путь, который существуетъ и (*притомъ*) истинно существуетъ. Какимъ же образомъ сущее могло бы существовать въ будущемъ и какимъ образомъ оно могло бы (*когда-либо*) возникнуть? Вѣдь оно не обладаетъ (*истиннымъ*) бытіемъ, если оно возникло или если ему нѣкогда предстоитъ существовать. Такимъ образомъ возникновеніе погасло и гибель пропала безъ вѣсти.

Равнымъ образомъ (бытіе) недѣлимо, такъ какъ оно все однородно; и нигдѣ (*не оказывается бытія*) ни чуточку больше, ни

¹⁾ „Для него нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, ибо оно во всей своей полнотѣ живетъ въ настоящемъ, единое, нераздѣльное“ Г. Церетели.

²⁾ Г. Дильсъ дѣлаетъ здѣсь слѣдующую вставку: „Не могло оно возникнуть изъ сущаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ до него существовало бы другое бытіе“.

³⁾ „Какое начало найдешь ты для сущаго? Какъ и откуда могло бы оно возрасти? Не дозволю тебѣ утверждать или думать, что оно произошло изъ не-сущаго, ибо невыразимо и немислимо не-сущее. И ради какой нужды могло оно быть призвано къ жизни именно въ такое-то время, а не въ иное?“ Т. Гомперцъ.

⁴⁾ „Слѣдовательно, бытіе должно или быть всегда, или никогда“ Г. Церетели.

⁵⁾ „И сила истины не допустить, чтобы что-нибудь произошло изъ того, что не существуетъ, за исключеніемъ его самого“, Дж. Бернетъ (то-есть, изъ несуществующаго не можетъ возникнуть ничего, кромѣ несуществующаго).

⁶⁾ А. Патинъ (цит. соч., стр. 552—553) отмѣчаетъ слѣдующія ступени развитія пониманія Правды (*Δίκη*) въ досократической философіи: 1) несправедливое рожденіе съ послѣдующимъ болѣе или менѣе продолжительнымъ индивидуальнымъ существованіемъ искупается позже наступающей гибелью (Анаксимандръ); 2) несправедливое рожденіе, приводящее лишь къ кажущемуся мгновенному существованію, искупается немедленной одновременной гибелью (Гераклитъ); 3) полное отрицаніе всякаго рожденія и гибели во имя вѣчно ненарушимой Правды. Парменидъ отвергаетъ возникновеніе и гибель не только вслѣдствіе несоотвѣтствія ихъ требованіямъ мысли, но и во имя Дике.

чутью меньше, (*чѣмъ въ другомъ мѣстѣ*), что могло бы препятствовать его связности, но все (*въ одинаковой мѣрѣ*) наполнено бытіемъ ¹⁾). Поэтому все оно непрерывно. Вѣдь бытіе плотно примыкаетъ къ бытію.

А лежитъ оно неподвижно въ предѣлахъ великихъ оковъ, не имѣя ни начала, ни конца, такъ какъ возникновеніе и гибель откинуты отъ него весьма далеко истиной (*логическаго*) доказательства. И пребывая само по себѣ (*неизмѣнно*) однимъ и тѣмъ же, оно покоится въ одномъ и томъ же положеніи и такимъ образомъ остается неизмѣнно на томъ же самомъ мѣстѣ. Ибо могучая Необходимость держитъ его въ оковахъ границы, охватывающей ²⁾ его со всѣхъ сторонъ. Поэтому бытіе не можетъ быть безконечнымъ. Вѣдь оно не имѣетъ (*ни въ чемъ*) недостатка. А если бы у него не было (*конца*), то ему недоставало бы всего.

Одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется. Ибо нельзя отыскать мысли безъ бытія, въ которомъ осуществлена (эта мысль) ³⁾ Вѣдь не существуетъ и не будетъ существовать ничего другого, кромѣ бытія, такъ какъ Судьба связала бытіе съ законченностью въ себѣ и неподвижностью. Поэтому пустымъ звукомъ будетъ все то, существованіе чего согласно своему убѣжденію сочли истиннымъ смертные, (а именно): возникновеніе и гибель, бытіе совмѣстно съ небытіемъ, перемѣна мѣста и мѣняющійся, бросающійся въ глаза цвѣтъ.

Но такъ какъ есть послѣдній предѣлъ, то (*бытіе*) ограничено со всѣхъ сторонъ; оно—подобно ⁴⁾ массѣ совершенно правильнаго шара, повсюду равноотстоящей отъ центра. И, въ самомъ дѣлѣ, бытія не можетъ быть ни чутью больше, ни чутью меньше въ одномъ мѣстѣ, нежели въ другомъ. Ибо нѣтъ ничего, что преграждало бы ему доступъ къ такому же (*бытію*), и невозможно, чтобы

¹⁾ А. Патинъ доказываетъ, что здѣсь мыслится двоякая возможность дѣлимости: дѣлится бытіе могла бы или разрывающая его сила или промежутокъ, лежащій между его частями. Меньшее есть вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе слабое (*χαρρότερον*), и раньше или позже оно могло бы быть побѣждено болѣе сильнымъ. Сущее недѣлимо, такъ какъ 1) въ немъ нѣтъ никакого различія, вслѣдствіе чего нельзя сказать: здѣсь кончается одно и начинается другое, и 2) нѣтъ въ немъ раздѣляющей силы. М. Мандесъ указываетъ, что сущему приписывается двоякаго рода недѣлимость: 1) оно есть пространственное соціицизмъ (сплошное), и 2) у него нѣтъ отличныхъ одна отъ другой частей, которыя бы могли быть „выдѣлены“.

²⁾ „Потому что“ М. Мандесъ.

³⁾ „Вещь, которая можетъ мыслиться, и то, ради чего мысль существуетъ, одно и то же. Ибо нельзя найти мысли безъ чего-либо существующаго, какъ цѣли ея высказыванія“ Дж. Бернетъ. Смыслъ: мы можемъ называть вещи по своему желанію, но не можетъ быть ни одной мысли, соответствующей имени, которое не было бы именемъ чего-либо реальнаго. М. Мандесъ предлагаетъ толкованіе: Безъ сущаго, о которомъ высказана мысль, не можетъ быть и мысли.

⁴⁾ „Подобно“ въ смыслѣ „равно“.

бытіе было то больше, то меньше бытія¹⁾, такъ какъ оно все нена-
рушимо. Вѣдь (*центръ*), равно отстоящій отовсюду, находится въ
одинаковомъ отношеніи ко (*всѣмъ своимъ*) границамъ.

На этомъ мѣстѣ я кончаю (свое) достовѣрное ученіе и размы-
шленіе объ истинѣ. Узнай затѣмъ мнѣнія смертныхъ, слушая обман-
чивый строй²⁾ моихъ стиховъ.

Дѣло въ слѣдующемъ: у людей установился взглядъ, что (дол-
жно) признавать³⁾ двѣ формы. Одну изъ нихъ (имъ) не слѣдовало
бы признавать⁴⁾. Въ этомъ (именно) они заблуждаются. (Эти формы
они сочли противоположными по виду и (*совершенно*) отдѣлили
ихъ признаки другъ отъ друга: (*а именно*), въ одномъ мѣстѣ (*они
полагаютъ*) эфирный огонь пламени, нѣжный (тонкій⁵⁾), весьма
легкій, всюду подобный себѣ, но отличный отъ (*всего*) иного. Съ
другой стороны, (*ими принимается*) прямая противоположность
(этому огню)—темная ночь, плотная и тяжелая по внѣшнему виду.
Теперь я расскажу тебѣ все кажущееся устройство (вещей), чтобы
ни одно мнѣніе смертныхъ не обогнало⁶⁾ тебя.

Схолій къ ст. 56—59 Симплиціи phys. 31, 3 Въ настоящее
время вставляютъ среди стиховъ нѣкое выраженіе въ прозаиче-
ской формѣ, какъ будто принадлежащее самому Пармениду, гла-
сющее слѣдующимъ образомъ. Въ первомъ (*т. е. огонь*) заклю-
чается тонкое, теплое, свѣтъ, мягкое и легкое, плотнымъ же на-
звано холодное, мракъ, твердое и тяжелое. Дѣло въ томъ, что оба
эти ряда отдѣлены (и стоятъ) каждый особо.

Ст. 34—52 въ пер. кн. С. Трубецкого:

Одно и то же есть мысль и то, о чемъ она мыслить:

¹⁾ Въ данномъ (*восьмомъ*) фрагментѣ Парменидъ уже въ третій разъ говоритъ о
непримѣнности понятій „больше и меньше“ къ бытію. М. Мандесъ вычитываетъ въ
этихъ мѣстахъ фрагмента слѣдующія мысли: 1) нѣтъ такого сущаго, которое существо-
вало бы скорѣе, чѣмъ какое-нибудь другое сущее; 2) нѣтъ такого сущаго, которое бы
было въ одномъ мѣстѣ скорѣй, чѣмъ въ другомъ (нѣтъ больше шансовъ сущему быть
въ одномъ мѣстѣ, чѣмъ въ другомъ); 3) сущее не можетъ быть въ одномъ мѣстѣ боль-
шимъ, чѣмъ въ другомъ, такъ какъ сущее—шаръ, на которомъ нѣтъ ни впадинъ, ни
холмовъ.

²⁾ „Гармонію“ Ріо.

³⁾ Собственно „называть“. Парменидъ отличаетъ ложное „наименованіе“ вещей
отъ правильнаго научнаго пользованія именами.

⁴⁾ Иначе М. Мандесъ (ц. соч., стр. 157): „Изъ нихъ одного не слѣдуетъ тоже, ко-
нечно, называть“. По другому пониманію, относящему эту фразу къ мнѣнію смертныхъ,
а не къ критикѣ его: „Не слѣдуетъ-де признавать (только) одну изъ нихъ“. Г. Дильсъ.
Мы слѣдуемъ въ своемъ переводѣ Э. Целлеру и А. Патину.

⁵⁾ Глосса схолиста; кромѣ этой глоссы у Симплиціи сохранился еще схолій къ ст.
56—59, приводимый ниже.

⁶⁾ Т. е. не опередило въ состязаніи. Переводъ Э. Целлера и Г. Церетели („не
ускользнуло“) неточенъ (см. М. Мандесъ, стр. 117).

Безъ сущаго мысль не найти—она изрекается въ сущемъ.
 Иного не будетъ и нѣтъ: ему же положено рокомъ—
 Быть неподвижнымъ и цѣлымъ. Все прочее—только названья:
 Смертныя ихъ сочинили, истиной ихъ почитая,—
 „Быть“ и вмѣстѣ „не быть“, „рождаться“ и вмѣстѣ „кончаться“,
 Цвѣтъ, окраску мѣнять и двигаться съ мѣста на мѣсто.
 Сущее все замыкается въ кругъ предѣломъ конечнымъ,
 Массой своею подобно оно совершенному шару,
 Коего центръ отъ окружности всюду равно отстоитъ,
 Части же всюду равны—ни больше, ни меньше другъ друга;
 Нѣтъ въ бытіи пустоты, небытія, чѣмъ единство его бѣ нарушалось,
 И сущаго нѣтъ въ немъ такого, чтобъ больше или меньше было
 Сущаго здѣсь или тамъ: оно нерушимо и цѣло,
 Все отовсюду равно до самыхъ предѣловъ отъ центра.
 Здѣсь я кончаю тебѣ достовѣрное слово и думаю
 Объ истинѣ. Смертное *мнѣнье* отселѣ познай,
 Прикрасамъ обманчивымъ рѣчи моею твоимъ слухомъ внимаю.

То же въ пер. Г. Церетели: Одно и то же мысль и предметъ мысли, ибо безъ бытія, въ которомъ выражена мысль, ты не найдешь мысли. Вѣдь нѣтъ и не будетъ ничего (другого) кромѣ бытія, такъ какъ судьба приковала его къ цѣлому и неподвижному существованію. Поэтому выдумкой оказывается все, къ чему пришли люди, увѣренные въ истинѣ своихъ доводовъ, (а именно): возникновеніе, гибель, бытіе и небытіе, перемѣна мѣста и измѣненіе цвѣта.

Но такъ какъ существуетъ конечная, предѣльная граница, то бытіе—подобно массѣ со всѣхъ сторонъ округленной сферы, одинаково отстоящей повсюду отъ своего центра. И дѣйствительно, бытіе не должно быть въ одномъ мѣстѣ большимъ, въ другомъ—меньшимъ, ибо нѣтъ ни небытія, которое мѣшало бы его цѣльности, ни бытія, которое было бы въ одномъ мѣстѣ большимъ, въ другомъ меньшимъ, чѣмъ бытіе. Вѣдь бытіе какъ цѣлое, неуязвимо, ибо, если оно со всѣхъ сторонъ одинаково, то пребываетъ одинаковымъ въ своихъ границахъ.

Этимъ заканчиваю я свою точную рѣчь, свои размышленія объ истинѣ. Учись теперь мнѣніямъ смертныхъ, прислушиваясь къ льстивому строю моихъ рѣчей.

9. *Симплицій phys. 180, 8 (послѣ В 8, 59)* И немного далѣе онъ снова говоритъ (*цит. ниже приводимые стихи*). Но, если угодно, словами: „ни одно не причастно другому“ показывается, что началъ два и что они противоположны.

„Но такъ какъ все именуется свѣтомъ и ночью и эти названія прилагаются къ тѣмъ или инымъ (*вещамъ*) соотвѣтственно своему значенію ¹⁾),

¹⁾ „Сообразно силамъ сущностей“ Г. Церетели.

то. (*оказывается*), все полно одновременно свѣта и темной ночи, причѣмъ перевѣса не имѣеть ни то, ни другое, такъ какъ ни одно (изъ нихъ) не причастно другому“ ¹⁾.

10. Климентъ Strom. V° 138. Итакъ, пришедшій къ истинному ученію (*Христа*), если желаетъ, пусть выслушаетъ обѣщаніе элейца Парменида (*цит. ниже приводимые стихи*). Срв. *Плутархъ adv. Col. 1114 B* (*о Парменидѣ*) Онъ изложилъ (*въ своемъ сочиненіи*) даже строеніе міра и, допуская смѣшеніе свѣтлаго и темнаго элементовъ, изъ нихъ и черезъ нихъ онъ выводитъ всѣ (вещи) кажущагося міра. А именно, онъ сказалъ многое о землѣ, небѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, а также рассказываетъ о возникновеніи людей. И ни одной изъ главныхъ (*темъ*) онъ не обошелъ молчаніемъ; въ этомъ отношеніи онъ не составляетъ исключенія изъ древнихъ мужей, имѣвшихъ обыкновеніе, разъ они выступили авторами особливо сочиненія, коснуться всего въ своемъ ученіи о природѣ вещей.

„Ты узнаешь и природу ээира, и всѣ свѣтила въ ээирѣ, и разрушительныя дѣла чистаго свѣтлаго солнечнаго факела, и откуда возникло (*все это*); узнаешь также природу круглоокой луны и дѣла ея странствій; равнымъ образомъ будешь знать, откуда выросло окружающее (*насъ*) небо и какимъ образомъ управляющая имъ Необходимость заставила его блюсти границы свѣтилъ“ ²⁾.

Тотъ же отрывокъ въ пер. кн. С. Трубецкаго:

„Теперь ты познаешь ээиръ и всѣ знаменья въ ээирѣ.
Яснаго солнца блистающій свѣтъ и дѣйствія солнца
Познаешь, откуда они, постигнешь дѣла и природу
Бродячей царицы ночей, луны круглолицей. И небо
Также увѣдаешь ты, которое все окружаетъ.
Узнаешь, откуда оно, и какъ оно связано рокомъ
Держать всѣ предѣлы свѣтилъ.

11. Симплицій саел. 559, 20 Парменидъ же говоритъ, что онъ началъ рѣчь о чувственномъ (*міръ такъ*):

„Какъ начали возникать земля, солнце, луна, вездѣсущій ээиръ, небесный млечный путь, крайній Олимпъ и горячая сила звѣздъ“, и излагаетъ возникновеніе (*всего*) рождающагося и гибнущаго вплоть до членовъ тѣлъ животныхъ.

12. Къ ст. 1—3 Симплицій phys. 39, 12 (послѣ В 8, 61): Сказавъ о двухъ элементахъ, немного дальше онъ опять прибавляетъ, говоря о творческой (*причинѣ*) слѣдующее (*цит. ст. 1—3*). *Къ ст. 2—6 тамъ*

---

¹⁾ „Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ пустоты“, пер. Карстенъ.

²⁾ „И какъ непоколебимый законъ Необходимости заставилъ его держать бѣгъ свѣтилъ въ прочныхъ границахъ“ В. Нестле.

же 31, 10: Что творческая причина (*касается*) не только тѣлѣ, находящихся въ рожденіи, но и безтѣлесныхъ (*существъ*), дополняющихъ (собою) рожденіе, этому Парменидѣ ясно учить въ слѣдующихъ словахъ (*цит. ст. 2—6*). Къ ст. 4 тамъ же 34, 14: И творческой причиной, единой, общей (*для всего*), онъ считаетъ богиню, возсѣдающую въ центрѣ вселенной и являющуюся виновницей всякаго рожденія. *Срв. А 37*.

„Ибо болѣе узкіе (*вѣтви*) наполнены непримѣснымъ огнемъ, слѣдующіе за ними—мракомъ, а между (*тѣми и другими*) разстиается (*область, которая лишь*) частично наполнена огнемъ ¹⁾. Въ центрѣ же вселенной (находится) богиня, которая всѣмъ управляетъ. Это она во всемъ вызываетъ совокупленіе и (*какъ слѣдствіе*) ужасные роды, посылая женщину совокупиться съ мужчиной и, обратно, (*толкая*) мужчину къ женщинѣ.

13. *Аристотель Metaph. А 4 р. 984 а 23 (пер. Розанова-Первова)* Можно подозрѣвать, что Гезіодъ первый выразилъ подобное (мнѣніе), даже если бы кто другой положилъ въ основу всего сущаго любовь или страсть, какъ это сдѣлалъ и Парменидѣ. Ибо послѣдній, изображая происхожденіе вселенной, говоритъ: „Раньше всѣхъ боговъ онъ насадилъ любовь“. *Плутархъ Amat. 13 р. 756 F* Поэтому-то Парменидѣ объявляетъ Эроса старѣйшимъ изъ дѣлѣ Афродиты, (*а именно*) онъ пишетъ въ своей космогоніи (*цит. ниже приводимый стихъ*). *Симплицій phys. 39, 18 (послѣ В 12, 3)* Онъ утверждаетъ, что она является также виновницей (*рожденія*) боговъ, (*а именно*), онъ говоритъ (*цит. тотъ же стихъ*) Также онъ утверждаетъ, что она посылаетъ души то изъ видимаго (*міра*) въ невидимый, то обратно.

„Раньше всѣхъ боговъ она создала Эроса“.

14. *Плутархъ Colot. 15 р. 1116 А* Ибо не говоря, что воспламененное желѣзо есть огонь или что луна (есть) солнце, но, слѣдуя Пармениду, (*сказавшему о лунѣ*):

„Свѣтящій ночью, блуждающій вокругъ земли, заимствованный свѣтъ“,

онъ отрицаетъ годность желѣза (*для указанной цѣли*) или (*такую*) природу луны.

15. *Плутархъ de fac. lun. 16, 6 р. 929 А* Изъ столь значительнаго числа небесныхъ свѣтилъ одна только (*луна*) совершаетъ круговое движеніе вслѣдствіе того, что нуждается въ чужомъ свѣтѣ, по (ученію) Парменида:

„Постоянно глядя на лучи солнца“.

---

¹⁾ „Затѣмъ (снова) наступаетъ очередь огня“ пер. П. Таннери и Г. Церетели. Г. Бергеръ относитъ этотъ отрывокъ не къ небеснымъ сферамъ, а къ поясамъ земли.

15а. *Схоліи Василя* (къ фразъ: Если принять, что вода является основаніемъ земли) Парменидъ въ поэтической рѣчи назвалъ землю „имѣющей начало въ водѣ“.

16. *Аристотель Metaph. Г 5. 1009 b 21 срв. А 46:*

„Ибо въ какомъ состояніи всякій разъ находится у людей смѣсь ¹⁾ (теплаго и холоднаго) ²⁾ въ (ихъ) весьма измѣнчивыхъ членахъ, соотвѣтственно этому измѣняется у людей и умъ. Ибо у людей, у всѣхъ и каждаго, мыслить одно и то же; природа ихъ членовъ. А именно, мысль есть то, что преобладаетъ (въ нихъ)“ ³⁾.

То же въ пер. Г. Церетели: „Человѣческой разумъ находится постоянно въ зависимости отъ качества своихъ заблуждающихся органовъ. Ибо у людей, какъ у всѣхъ, такъ и у каждаго въ отдѣльности, мыслить одно и то же, а именно, качество органовъ, причемъ мыслью является то, что преобладаетъ.“

17. *Галенъ in Epid. VI 48* Однако, и другіе изъ древнѣйшихъ мужей говорятъ, что зачатіе (дѣтей) мужского пола происходитъ въ правой части матки. И дѣйствительно, Парменидъ сказалъ такъ:

„Направо мальчики, налѣво дѣвочки“.

18. *Целій Аврелианъ Morb. chron. IV 9 p. 116 Sighard* Парменидъ въ книгахъ, написанныхъ имъ о природѣ, говоритъ, что въ зависимости отъ условій зачатія иногда рождаются люди податливые и кроткіе. Такъ какъ ему принадлежитъ греческое стихотвореніе, то и я передамъ это стихами. Дѣло въ томъ, что во избѣжаніе смѣшенія разныхъ языковъ, я составилъ, насколько сумѣлъ, латинскіе стихи такого же размѣра (*смыдуютъ ниже приводимые стихи*). Ибо онъ держится того мнѣнія, что въ сѣмени кромѣ вещества заключаются силы и что если послѣднія смѣшаются такимъ образомъ, что ⁴⁾ образуютъ единство въ одномъ и томъ же тѣлѣ, то онѣ порождаютъ (въ рождающемся ребенкѣ) склонность, соотвѣтствующую (его) полу. Если же, по смѣшеніи вещества сѣмени, силы останутся раздѣленными, то результатомъ будетъ присутствіе въ тѣхъ, которые родятся, стремленія къ двумъ видамъ половой любви.

„Если женщина и мужчина смѣшаютъ вмѣстѣ сѣмя Любви, то сила, образующая въ жилахъ изъ различной крови (*плоть*), при соблюденіи надлежащей мѣры (въ *смѣси*), производитъ хорошо сложенные тѣла. Но ⁵⁾, если въ смѣшавшемся сѣмени силы борются и

---

1) Читаю „*κράσις*“ вмѣсто „*κράσις*“.

2) По Теофрасту

3) Последнюю фразу иногда (Риттеръ, Виндельбандъ) переводятъ: „Ибо полное есть мысль“. То же мѣсто въ пер. Дж. Льюнга: „Высшая степень организаціи даетъ высшую мысль“.

4) Читаю „*ut*“ вмѣсто „*et*“.

5) Читаю „*at*“ вмѣсто „*nam*“.

не образуютъ въ смѣшавшемся веществѣ никакого единства, то онѣ сдѣлаютъ несчастный плодъ гермафродитомъ“.

19. *Симплицій саел. 558, 8* Изложивъ же устройство чувственнаго (міра), онъ снова добавилъ:

„Такъ, въ самомъ дѣлѣ, согласно мнѣнію (*людей*), (*все*) это (*никогда*) возникло, нынѣ существуетъ, будетъ расти въ будущемъ и затѣмъ погибнетъ. Каждой же изъ этихъ (*вещей*) люди положили имя, являющееся ея отличительнымъ знакомъ“.

Сомнительные фрагменты.

20. *Ипполитъ Ref. V 8 p. 115, 76* Малыми же мистеріями, говоритъ (*одинъ гностикъ*), являются мистеріи подземной Персефоны. Объ этихъ мистеріяхъ и о пути, ведущемъ туда, который является широкимъ и просторнымъ и по которому умирающіе приходятъ къ Персефонѣ... поэтъ говоритъ:

„А подъ нимъ находится страшная, грязная дорога, лежащая въ долинѣ между горами. По ней наилучше дойти въ прелестную рощу многопочитаемой Афродиты“.

Неподлинныя фрагменты.

21. *Азій II 30, 4 (D. 361 b 24)* О видѣ луны: почему она кажется землистой?... Парменидъ: вслѣдствіе того, что темное примѣшано къ окружающему ее огненному. Поэтому онъ называетъ ее свѣтиломъ „съ ложнымъ свѣтомъ“. *Срв. В 14. На самомъ же дѣлѣ, это выраженіе идетъ отъ Теофраста, см. 46 А 77.*

22. *Свида см. слово ὄς въ смыслѣ „весьма“.* Парменидъ: „удивительно какъ стоекъ въ мнѣніи“=Платонъ *Рарт. p. 135 А.*

23. — *см. слово „Острова блаженныхъ“:* (такъ назывался) въ старину акрополь Фивъ, что въ Беотіи, какъ (говоритъ) Парменидъ.

24. *Светоній (Miller Mél. 417)* Тельхины... нѣкоторые утверждаютъ, что они—дѣти моря, Парменидъ же (говоритъ), что они произошли изъ собакъ Актеона, превращенныхъ Зевсомъ въ людей.

25. *Стобей Ecl. I 144, 19 Wachsm.* Но онъ былъ равнымъ со всѣхъ сторонъ и т. д.=*Эмпедоклъ фр. 28 (21 В 28).*